



Н а т а л и я
Т е р е н т ь е в а



БЕДНЫЙ БОБИК

*«Писатель
не бывает
начинающий
или завершающий.
Писатель или есть,
или нет. Наташа
Терентьева —
писатель, которая
пришла в литературу
сказать свое слово.
И дорога эта
прекрасна».*

**ВИКТОРИЯ
ТОКАРЕВА**



Наталия Терентьева

Бедный Бобик

«Издательство АСТ»

2005

Терентьева Н. М.

Бедный Бобик / Н. М. Терентьева — «Издательство АСТ», 2005

ISBN 978-5-17-084141-7

Молодая преподавательница музыки ждет ребенка от своего возлюбленного и даже не представляет себе, сколько разных людей против рождения новой жизни... Загораживающая и напряженная семейная драма «Бедный Бобик» — о любви и нелюбви, предательстве, о единственном выборе, который сегодня и сейчас определит твою судьбу. Ранее книга издавалась под названием «Знак неравенства».

ISBN 978-5-17-084141-7

© Терентьева Н. М., 2005

© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталия Михайловна Терентьева

Бедный бобик

Часть первая

*Отдавай и, дрожа, не тянись за возвратом,
Все сердца открываются этим ключом.*

Саша Черный

Глава 1

Денис вышел на балкон и посмотрел на неподвижное море, тяжелой сверкающей гладью лежавшее перед ним. Ветер гнал по берегу сломанную ветку кустарника с большими ярко-желтыми цветками. Денис смотрел, как на песке остаются оторванные лепестки, а ветка, дрожа и переворачиваясь, уносится дальше.

Шесть утра. Спать бы и спать... Где-то рядом хлопнуло полотнище флага, и опять стало тихо. Ни шума прибоя, ни криков чаек. Денис вдохнул терпкий запах морской воды, потрогал обгоревшее плечо и чуть поморщился.

– Денечка!.. – раздался из соседней комнаты голос жены, милый, родной голос. И ей тоже не спится, теплой, близкой, родной жене Оксане.

Денис взъерошил волосы и заглянул к жене. Натянув простыню до подбородка, она выразительно смотрела на него. Денис подобрал живот и отдал ей честь:

– Будь готов – всегда готов!

– Деня... – вздохнула Оксана и отвернулась.

Денис поспешил подойти к ней. Поймав под простыней маленькую гладкую пятку, Денис наклонился, поцеловал ее.

– Пойду сполоснусь, мамочка. Жди меня... Я сейчас.

Он быстро прошел по огромному номеру в ванную и закрыл за собой дверь. Пустив воду, присел на край отделанного под мрамор маленького бассейна. Напротив себя, в зеркале во всю стену он увидел не очень высокого плотного мужчину с полнеющим лицом и уже слегка обозначившимся животом.

– Н-да... – с сомнением оглядев себя, Денис открыл кран, опустил ноги в воду и помахал своему отражению. – Что, бобик? Растолстел, размордел? А все такой же неутомимый и исполнительный...

Поеживаясь, окунулся в бассейн и два-три раза энергично проплыл туда-сюда, фыркая и выплевывая горьковатую воду. Вот тебе и первое утро долгожданного отпуска. Мысли не дали поспать нормально, а еще Оксанка вспомнила с утра, что замужем, а мужа зовут Деня, и он – ее ловкий, спортивный, привлекательный бобик сорока двух лет... Бобик он и есть. Испуганный, послушный...

– Денечка, я жду тебя! – то ли услышал он Оксанкин голос, то ли показалось.

– Раз-два! – машинально добавил Денис, тут же вылезая из бассейна, с сожалением покрхтывая. – Вот такой ценой, Господи! – объяснил Денис кому-то наверху – а вдруг и правда кому-то есть дело до него в огромном мертвом космосе? И кто-то сочувственно кив-

нет и поставит крестик в неведомой тетрадке: «Денис – молодец. Жену не обидел. За это ему можно простить вчерашнее пьянство...»

– И еще ту девчонку из бара, ладно, Господи? С круглыми ляжечками и мокрыми губками... Ужасную... Это все было напрасно и совершенно ужасно, – вздохнул Денис и принялся растираться. Докрасна, докрасна... Он бодр, он молод, он всегда в форме! Накинув широкий гостиничный халат на приятно разогревшееся тело, вышел из ванной.

Оксана лежала под простыней, через которую Денис отчетливо различил ее любимую пижаму. По зеленому полю бежали, высоко задирая тонкие мосластые ноги, трогательные бархатные жирафчики. Он хотел сказать что-нибудь смешное – насчет жары за окном и вообще... Но передумал – опасный момент, можно испортить себе весь предстоящий отпуск неловкой фразой. Хотя жирафы ему, кажется, и так уже все испортили.

– Охохонюшки-хо-хо!.. – Денис обошел большую полукруглую кровать и залез на нее с другой стороны.

Он лег рядом с женой и посмотрел на нее. Оксана тоже посмотрела на него, протянула руку и закрыла ему глаза. Сколько раз он просил ее: «Сделай это потом, когда придешь рыдать над моим холодным трупом!»

Денис лежал на спине, ощущая теплую Оксанину руку. И ничего больше не ощущая и не желая. Оксана тихо гладила его лоб и молчала.

Денис вспомнил свой последний подвиг с другой девушкой, с той, у которой две еле заметные родинки на тонкой коже шеи, и нежный теплый рот, и шоколадные глазки, и вся она, как шоколадка, белая шоколадка, нежная, сладкая и растворяющаяся в его руках... Вот она обнимает его своими стройными гладкими ножками, и, чуть обернувшись, он видит взметнувшиеся коленки, эти ее коленки... Есть женщины, все тело которых – сплошной соблазн... Денис коротко выругался про себя, но с радостью обнаружил, что боевой дух его чресл ощутимо окреп. Знакомые и родные жирафы зашевелились от его прикосновения. Оксана лежала, как всегда, тихо, ее сильно отяжелевшее за последнее время маленькое тело непослушно ворочалось под Денисом.

Переворачиваясь на спину, Денис вдруг увидел, как стоящий среди косметических флаконов, индийских божков и христианских иконок деревянный дед-оберег смотрит на него с непонятным осуждением.

– Завидуешь? – громко спросил его Денис.

Оксана проследила его взгляд и засмеялась, а он попытался подтащить ее себе на живот.

– Деня, ну ты же знаешь, я не люблю всяких этих... Что ты опять начинаешь...

– Ну да, ну да...

Денис ловко перевернулся и крепко обнял Оксану.

– С благословения Господня! – сказала жена.

– И без него тоже, – добавил Денис и закрыл глаза, позволив себе снова представить, просто представить, маленькую тугую грудь той, другой, все зовущей и зовущей его.

Он почувствовал, как дрогнуло под ним тело жены, Оксана прошептала:

– Прости меня, Господи!

Через пару минут он сам с облегчением выдохнул и замотал головой. Оксана, секунду помедлив, встала, натянула, прикрывшись простыней, пижамные штаны и пошла в ванную.

– Смотри не усни, самое лучшее солнце пропустим...

Оксана на ходу обернулась к нему, и Денис с привычным удовольствием посмотрел на ровный профиль жены с маленьким носиком и вздернутой верхней губой. Оксана заметила его взгляд, слегка улыбнулась:

– Что? Вставай, Деня, не валяйся. Помойся, разбуди Маргошу, и пойдемте купаться. В утреннем море другая энергетика.

– Оксан! – Денис чуть приподнялся, протягивая руку к жене. – Подожди...

Оксана вернулась от двери и села рядом с ним на кровать.

– Что, милый?

– Наклонись поближе...

Оксана послушно наклонилась к Денису, и легкая прядка упала ему на лицо. Он сдунул волосы жены и прошептал, откинув простыню:

– За что ты прощения у него просила? За свое счастье? Или за что?

Оксана невольно хлопнула ему по губам, прикрывая простыней его бедра:

– Не хулигань! Он все слышит!

– Ты уверена, что ему есть до нас дело? До наших маленьких грешков?

Жена погладила его по щеке:

– Даже если ему все равно, он слышит, когда ты богохульствуешь, и запоминает.

– А когда я говорю неправду или ковыряю в носу, он тоже записывает себе в блокнотик?

Оксана, глубоко вздохнув, попыталась встать, но Денис притянул ее обратно.

– Оксанка, мне свечку надо поставить...

Жена внимательно посмотрела на него.

– Кому?

– Что – кому? Я говорю – мне!

Оксана чуть отстранилась от него:

– В каком смысле?

– Да в каком... В обычном! – Денис повернулся на бок и хлопнул себя по бедрам. – От изжоги...

– Так ставь!

– А ты не поможешь? Я сам как-то теряюсь...

– Ты с ума, что ли, сошел? Уйди отсюда, с моей постели, быстро!

Денис легко встал, накинув халат на голое тело, улыбнулся жене:

– Ну извини, крошка, был не прав.

Он поцеловал в лоб уворачивающуюся жену и пошел к двери, соединяющей их спальни. В дверях он чуть затормозил, выпрямился и отдал честь, не оборачиваясь. Затем на прямых ногах вышел из Оксаниной спальни, слыша за спиной ее тихий смех.

У себя в комнате он лег на такую же большую кровать, закинув руки за голову. Услышал, как Оксана пошла будить дочку... Вот она пустила воду в ванной... Тихо сморкается... Плакала, что ли? Да ладно... Что ей плакать, после таких приятных минут... Она же не догадывается... Денис даже перевернулся и усилием воли заставил себя прогнать мысли о той, другой. Только не сейчас. Имеет он право на отдых?

Денис обвел глазами роскошную спальню, стены, обитые мягкой шелковой тканью, изящное трюмо цвета слоновой кости... Оксанка и тут успела поставить пару дорожных иконок и жутковатого, плотоядно улыбающегося Будду. Если уж со своим Богом у него не заладилось – может, иноземные как-то хорошо повлияют... «Чего бы это ни стоило, за это стоит заплатить... Да, Всевышний? Или как к тебе обращаться? Не-е, ты все-таки какой-то не наш...» Он вздохнул и подбил повыше под голову легкую прохладную подушку.

Вот он, застенчивый провинциал – второй, всегда второй, чем бы в жизни ни занимался, – лежит сейчас в лучшем номере самой дорогой гостиницы одного из самых престижных курортов – Мертвого моря. А женщина, у которой сумма на валютном счету давно перевалила за очень приятную, надежную, волнующую цифру, смывает сейчас в розовом мраморном бассейне следы его близости и составляет план, что они будут делать сегодня, завтра, через два дня, не оставляя ему возможности ни сомневаться, ни колебаться, ни сожалеть о чем-либо.

Ему-то все это не надо – шелковые стены, бассейны в номере, мрачные лимузины с лживыми заискивающими шоферами... Это все довесок, обратная сторона. Главное – другое.

Когда в семнадцать лет он уезжал в Москву, мама три дня плакала, потом взяла себя в руки – его мама умела взять себя в руки – и перед отъездом уже только смеялась: «Ну что ты без меня будешь там делать, в этой своей Москве? Потеряешься, как я тебя найду потом?»

И он потерялся. Сразу, в первый же день. От гомона, от стремительных и равнодушных человеческих волн, разом смывших его провинциальный задор: «А я Аристотеля в восьмом классе в подлиннике читал!». «А мы на первом курсе будем читать!» – говорили глаза поступивших в университет счастливых, глаза, смотревшие поверх него, мимо него, сквозь него, золотого медалиста, срезавшегося на своем единственном экзамене.

Мама по телефону сказала: «Приезжай», а маленькая девушка со светлыми волосиками, аккуратно заправленными за круглые уши, крепко сжала его ладонь сильной рукой и велела: «Пойдем». Девушка тоже не нашла своей фамилии в списках. Она уже второй год пыталась поступить на филфак, Денис же не прошел на биофак, где конкурс был всего полтора человека на место. У него оставался еще год в запасе – до армии, год, чтобы подготовиться, чтобы не попасть ни в коем случае в вонючую казарму, не потерять драгоценные два года. У него было столько идей в голове, столько невероятных догадок... Только бы донести их до научного мира... И этот год он провел в Оксаниной комнате, вставая в половине шестого, чтобы подметать двор вокруг общежития, и за это комендант записала его как Иванову Зину. А Оксана просыпалась в пять и пешком шла до ближайшей станции метро, ее работа начиналась еще раньше.

Оксана... Кропотливым, старательным трудом эта маленькая женщина завоевывала мир и отдавала половину своих трофеев ему, Денису, у которого никогда ничего не было, кроме его ума. Деньги как-то не задерживались около него. Да и он не мог думать о мире в категориях «дорого, дешево, подкупить, вложить...» А она могла. Прожить на тысячу рублей до конца месяца, готовить на обгоревшей конфорке густые ароматные борщи, спать по четыре с половиной часа, копить, экономить и не упрекать, что Денис не такой, как она. Что он... Нет, не лоботряс и не оболтус, но просто он создан не для того, чтобы зарабатывать деньги, вот и все.

Оксана вовремя поняла, что московский филфак можно штурмовать еще пять лет, и оставила мечту о высшем гуманитарном образовании для своих детей. А куда можно поступить сразу? Кем не хотят быть гордые, надменные москвичи, скептически оглядывавшие ее единственную приличную юбку с плиссированной оборкой и аккуратные коричневые туфли на квадратных каблуках, мамкины туфли? Москвичи, не отвечающие на вопросы, обсмеивающие ее слишком очевидный деревенский говор. Они не хотят быть инженерами-водниками, к примеру. И конкурс в том институте – пол-человека на место.

Ну – водник так водник, решила Оксана и, забрав документы после первой же тройки в очередной год мытарств и поступлений «на лингвиста», легко сдала экзамены в институт инженеров водного транспорта. Придется подрабатывать по вечерам? Ну что ж делать, конечно, Оксана подработает. Перейти на вечерний и работать там, где образование не шибко нужно, но нужны непривередливые, внимательные техники, например, обслуживать радио-вышку? И это можно. Вредно, конечно, но это же не навсегда, зато денег больше, на двоих хватает...

Кто знал тогда, кто мог подумать, что Оксана, приехавшая из далекого забайкальского села с тремя копейками в кармане, долго боявшаяся столичного метро, после того как в первый день потерялась и никак не могла добраться до камеры хранения, в которой оставила весь свой нехитрый багаж, через десять лет будет ловко заправлять целой сетью магазинов, продающих катера, яхты, маленькие скутеры. И получать невероятные, но почти честные дивиденды.

Денис старался не думать о маленьком взносе, сделанном в самом начале Оксаниной карьеры каким-то ее восточным другом, к которому Оксана в один прекрасный день молча ушла тринадцать лет назад. Встала утром – они уже снимали тогда однокомнатную квартиру, – аккуратно сложила в старый матерчатый чемодан свои вещи, надела единственные джинсы, поцеловала Дениса в лоб и ушла.

Он ждал ее день, два, неделю, пытался искать. Она вернулась сама, через пять месяцев. Так же молча подошла к нему, обняла, и ему ничего не оставалось, как взять жену на руки и вытереть слезы, катившиеся по ее осунувшемуся лицу. Вскоре родилась упитанная, степенная Маргоша, и Денис полюбил ее всей душой, привык считать своей дочерью. Друг тот больше никогда не появлялся в их жизни, и Оксана не любила говорить об этом.

Денис старался не думать и не думал. Потому что он не знал больше ни одной женщины, так уверенно стоящей на ногах. А для него, с его вечными сомнениями и колебаниями, с «окончательными и твердыми» решениями, меняющимися с переменой ветра, без этого было невозможно. А что касается жирафов... Когда Денис видел жену в обществе, в официальной обстановке или заезжал к ней на работу и заходил в ее кабинет, он резко и остро чувствовал то, что уже несколько лет не всегда ощущал, если Оксана раза два в неделю звала его к себе, закрывшись до ушей одеялом. Не всякая рослая красotka умела выглядеть так недоступно, так маняще, так роскошно, как миниатюрная Оксанка выглядела в роли начальницы. Что-то такое просыпалось в ней... Денис замечал, что она нравится молодым подчиненным, партнерам, богатым покупателям, и ему было приятно, что это его женщина, только его, и ничья больше.

Как-то напившись, он решился попросить ее надеть костюм – самый строгий, самый чопорный, серый прямой костюм, – и подступился было с самыми лучшими намерениями. Оксана обиделась страшно, целых три месяца ближе чем на полметра к себе не подпускала. Но тогда у него уже была Алена, которая пускала когда угодно и ничего от него не требовала взамен. Ох, как же он, дурак, на этом попался...

Денис резко встал с постели, услышав, что Оксана закрыла воду в ванной и пошла снова будить Маргошу. А главное, он испугался, что мысли, не дававшие ему спать сегодня, настойчиво и упрямо потекли в знакомом направлении. И что ему теперь делать? Он, наивный дурак, еще смеялся, спрашивал Алену:

– Тебя не смущает, что я чуть ниже тебя ростом?

– Это естественный закон сохранения рода человеческого, – отвечала та. – Высокие женщины не очень любят рослых мужчин, а маленькие ищут высоких. А иначе бы человечество постепенно разделилось, и рождались бы гиганты и малыши... Малыши и гиганты...

Так вот она к чему клонила! Надо было дослушать, а он, как обычно, думал: «Ну как бы сделать так, чтобы красивые женщины не разговаривали вообще... А в постели в частности...» и с удовольствием гладил Алену по гладкой нежной коже. Идиот...

* * *

Горькая тюрьма ожидания... Сколько еще оно продлится, это время без тебя? Ты не сказал, что улетаешь. Неужели ты уехал на все бесконечные майские праздники? Денис... Я так ждала, когда наконец у тебя будет передышка в работе, поглощающей все твои силы и время.

Ты мне сейчас очень нужен, мне тебя так не хватает, сильнее, чем обычно. Ты спросил меня недавно по телефону: «Как ты себя чувствуешь?», так тепло спросил, и мне показалось, что не было этих ужасных последних месяцев, когда ты как будто стал меня избегать. Я себя уговариваю – просто у тебя было много работы. Тебе надо много работать, чтобы стать на ноги, чтобы дописать диссертацию...

Сегодня утром я подумала – вот ты уехал, не попрощавшись. А вдруг с одним из нас что-то случится? Ведь всякое бывает. И мы не увидим больше друг друга...

Денис, мне без тебя плохо и одиноко.

Мне тебе многое хочется рассказать... Как я все теперь по-другому вижу и ощущаю. Как будто обострились все органы чувств. Какие необычные мне снятся сны – яркие, с про-

должением на следующий день. Вчера я долго летала в совершенно непонятном пространстве – это было небо, чистое, ясное, но я почему-то не видела земли под собой.

Мне хочется смотреть на цветы. Я купила семена, землю, посадила на балконе в ящиках много разных цветов. Но пока они еще только-только начали прорастать. Иногда обрываю на улице какую-нибудь едва распустившуюся веточку и ставлю дома. И чувствую запах растущего растения даже на расстоянии – запах жизни.

Ты совсем недавно говорил, что нам невозможно друг без друга. Но только все так сложно и неправильно... Но теперь ведь у нас все будет иначе? Так мне казалось. Почему тогда ты взял и уехал?

Алена встала с дивана и пошла умыться. Так нельзя. Плакать с утра до вечера, убиваться... Нельзя. Это не просто вредно, это опасно. Надо думать о чем угодно, но не об этом. Почему Денис уехал, и почему он не рад ребенку? Ответ – тот, который напрашивается – невозможен. Слезами себе не поможешь, а ребенку можно только навредить. Ему же больно и плохо вместе с его мамой. Мамой... От неожиданного, совершенно нового ощущения Алена даже остановилась и посмотрела на себя в зеркало. Она – уже мама. Если внутри нее бьется другое сердце, начинается другая, новая жизнь. И только от нее зависит, какая она будет, эта жизнь. Жизнь ее ребенка.

* * *

Денис смотрел, как сильно выросшая за этот год дочка совсем по-взрослому держится на воде.

– Маргоша, осторожнее, ближе к берегу плыви! – крикнул он и подумал, что просто теперь он видит ее так редко, что стал замечать, как она растет.

Если твой ребенок вытягивается каждый день на полмиллиметра, ты на это не обращаешь внимания, когда ты рядом. А если за две недели, пролетающие между родительскими суббота-воскресеньями, он вырастает на семь миллиметров, то они как-то очень видны, эти семь самостоятельных миллиметров твоего единственного ребенка... Ох, права Оксанка, как всегда, во всем, везде – права...

Ведь и сам Денис, почувствовав вкус свободы за эти два года, теперь уже никогда, наверно, добровольно не расстался бы с ней.

Он с трудом мог теперь вспомнить свое отчаяние, когда два с половиной года назад Оксана объявила: им надо пожить отдельно. Денис испугался страшно. Испугался за дочку, испугался за свой дом – а где же он будет жить? Испугался за свой мир – как вообще все теперь будет у него? Начинать все сначала, как много лет назад? Но все оказалось совсем по-другому.

Разводиться они не стали. Денис остался жить один, а Оксана переехала в новую квартиру, предоставив ему – или себе? – возможность пять дней в неделю говорить «я», а не «мы». Сначала ему было так странно, так больно и одиноко в их бывшей семейной обители, где больше не звучал Маргошин топот и смех, не пахло любимыми Оксаниными капустными котлетами и горьковатыми духами «Этернити» – «Вечность»! Кто бы мог подумать... Вот тебе и крепкая Оксанкина ладонь... Вот тебе и «вечность».

Но прошел месяц-другой, и Денис стал привыкать. Он понял, что Оксана к прежней жизни не вернется, по крайней мере в ближайшее время. Но это оказалось так здорово – встречаться в субботу утром, натосковавшись за неделю... или насладившись свободой одиночества... Знать, что впереди целых два дня... всего два дня... А потом – снова пять дней с пустыми вечерами, пивом и телевизором... Пять дней свободы. Ты волен выбирать. Ты никому ничем не обязан. У тебя нет ограничений. Говорила так Оксана, или это понял сам Денис, теперь было уже не важно. Но это оказалось здорово.

Он не сразу решился привести домой Алену. А приведя – ничего не стал объяснять. Догадается как-нибудь сама. Захочет – спросит. Но она ничего не стала спрашивать. Смотрела-смотрела на него, да с тем и ушла, до следующего раза, захватив в пакете туфли – «сменную обувь», которую принесла с собой.

С месяц повибрав ладонью пыль с телевизора, Денис взял и спросил уборщицу на работе, милую интеллигентную женщину лет пятидесяти, не захочет ли она помогать ему по дому. Та согласилась, и даже с большой охотой, услышав, какую сумму Денис назвал. А для него это теперь не деньги – он больше чаевых оставляет за месяц в ресторане. Так решилось с хозяйственной частью одиночества. Все решается, если есть средства. Разве нет?

Денис вспомнил, как первый раз остался ночевать в Оксаниной квартире. Вечером он ловил взгляды жены, даже чуть разволновался. Это была новая игра, интересная и забавная... Когда Маргоша легла спать, Оксана ушла к себе в комнату, Денис подождал немного и постучался к ней.

Оксана не ответила, но спальня оказалась не заперта.

Денис тихо вошел, затворил за собой дверь, подошел к двуспальной кровати, на которой под мягким пухлым одеялом лежала его жена. В темноте ее светловолосую голову с коротенькой аккуратной стрижкой было еле видно на подушке. Оксана не шевелилась, но Денис чувствовал, что она не спит. Он присел на край кровати, положил руку туда, где должно было находиться ее бедро.

– Я тебе сейчас кое-что скажу, – тихо проговорила Оксана, приподнимаясь на подушке и кладя руки под голову. – Сядь-ка вон туда, – она кивнула на низкое кресло в углу. – Включи торшер.

Денис послушно сел в кресло и зажег свет. Оксана лежала, спокойно глядя на него. Лицо ее было намазано кремом, зеленая махровая повязка отодвигала со лба волосы. Все так привычно. Все, как раньше... Как будто не было этих ужасных одиноких вечеров в опустевшей без Маргоши и Оксанки квартире. Алена, когда приезжала, только подчеркивала его одиночество и неприкаянность – без них, без таких родных и ненаглядных... Да она еще, по своей дурости, держалась так, как будто сейчас откроется дверь и в квартиру – в свою квартиру! – войдет его жена. Алена выбирала всегда самый дальний уголок, словно хотела спрятаться от той, которая вешала когда-то здесь шторы, расставляла иконки, готовила и стирала и, главное, любила, и имела на это право.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Оксана. – Сейчас, погоди... – Она промокнула блестящий от жирного крема лоб салфеткой, сняла полоску, растрепала рукой волосы. – Иди сюда, сядь поближе.

Денис сел рядом с ней на кровать, Оксана взяла его руку и крепко сжала обеими ладонями.

– Да, Денис, мы абсолютно свободны. Но я тебе ни разу за это время не изменила и изменять не буду, потому что у меня нет сексуальных проблем. Мне хорошо с тобой и... мне этого вполне достаточно. А у тебя, вероятно, есть какие-то проблемы – решаемые, нерешаемые... – Она заметила его вопросительный взгляд. – Не хочу знать – какие. Думаю даже, что это не твои лично проблемы, а просто несовершенство мужской природы. Но к любви нашей это не имеет никакого отношения. И к твоим, Денис, чувствам ко мне. Поверь мне и перестань волноваться. Потому что я – твоя жена и меня ты любишь по-настоящему. Я в это верю. Только в этом твое спасение, наше спасение. Мы едины перед Иисусом и в вечности.

– Оксан, а без Иисуса нельзя? – попробовал улыбнуться Денис. – Ну при чем тут он...

– Нельзя, – строго сказала Оксана. – Я теперь понимаю то, что раньше было сокрыто от меня. Знаешь, когда я первый раз решила пойти и попробовать покаяться в церкви? Я хотела рассказать, что просыпаюсь ночью и думаю: как лучше тебя убить – задушить, отравить или бросить тебе фен в ванну. Понимаешь? Да, да! А утром я готовила тебе завтрак, как ни в чем

не бывало... – Оксана крепче сжала его руку. – Когда ты стал приходить с радостными глазами, чуть позже, капельку, минут на сорок, и весь, от головы до пяток, был пропитан этими сорока минутами...

Денис смотрел на Оксану и не мог поверить. Она что-то знала про Алену? Или просто его проверяет? Вот он сам сейчас все и расскажет...

– Я даже догадывалась, какая она – ярко-рыжая или смуглая брюнетка... В общем, какая-нибудь очень яркая... с сильно накрашенными губами... Липкая вишневая помада, плохо отстирывающаяся... и арбузные духи... – Оксана засмеялась. – Как мне хотелось иногда расколоть тебе голову, как арбуз, когда ты приходил от нее. Хрясть!..

Денис инстинктивно слегка отодвинулся от жены. Она притянула его обратно.

– Не беги, не беги... А ты говоришь «без Иисуса»... Теперь никак! Ты врал, а он помогал, ты убивал во мне все лучшее, а он терпеливо ждал, пока я приду и открою сама себе дверь... И это оказалось очень легко... Простить только было нелегко.

– Но... ты же простила, да, Оксанка? – Денис придвинулся еще ближе и погладил жену по плечу.

– Да, – легко, слишком легко, сказала она.

Денис вздохнул:

– Понятно. И...?

– Вот и выбирай теперь, Денис, пожалуйста, что тебе нужней.

– Я... я не хочу ничего выбирать, Оксанка. Я давно все выбрал.

Оксана кивнула:

– Правильно. Выбрал. И потом стал самостоятельно добавлять в нашу жизнь... измен, проблем... Что ты смотришь? Хочешь упрекнуть меня? Нет? И правильно. Я всегда любила только тебя. Ты знаешь.

– Я тоже.

– Вот и хорошо. Давай пока жить так. Если выбрал, то утвердись в своем выборе. Чтобы опять не побежать... Погуляй немножко... покрутись... Ты же не докрутился в юности. Это понятно. А там посмотрим.

– Но вообще-то это ненормальная жизнь, Оксан... – сказал Денис и почувствовал, как внутри противный тоненький голосок добавил: «И она мне нравится, такая жизнь...» – Патология, патологическая семья! Идиотская ситуация... – неуверенно продолжил Денис, заглушая этот мерзкий внутренний голос: «И очень даже удобная... приятная, сладкая...»

Как будто услышав его мысли, Оксана сказала, прищурясь:

– На самом деле это самый безболезненный способ решения удивительных сексуальных фантазий, которые тебя временами посещают. Лично для меня – странных и неприятных. Даже если весь мир будет это делать, перед завтраком, вместо чистки зубов...

– Смешно, – вздохнул Денис.

– ... я этого делать не смогу, извини. Попробуем вместе это решить вот таким образом. Живи пока один. Наверно, так будет правильней...

– Не знаю... – ответил Денис, прислушиваясь к тишине своих чресл.

Стоя босыми ногами на влажном теплом песке и глядя на блаженствующую в воде Маргошу, Денис вспоминал этот разговор.

«Докрутился!.. – подумал он. – А море какое все-таки странное. То ли море, то ли не море. То ли вода и жизнь, то ли... не пойми что. Отсутствие жизни. Мертвая субстанция. Неизвестное вязкое пространство с непонятными свойствами... вроде моей жизни...»

– Э-э-э, милый, что-то ты совсем, по-моему, перегрелся, – сказал Денис сам себе и попробовал вбежать в тугую теплую воду. Но на уровне коленей остановился и стал потихоньку смачивать тело – ладони, плечи, грудь. Маргоша махала ему рукой:

– Пап, плыви сюда! Смотри! Я на спине лежу!

Денис вернулся на берег, подошел к Оксане, сидевшей в шезлонге, и опустился рядом на песок, прислонившись к ее ноге. Он провел по ней щекой, и тонкие, незаметные глазу волосики привычно пощекотали ему кожу. Денис обнял одной рукой Оксану, и они вместе стали смотреть на Маргошу, плывущую к берегу. Маргоша увидела, что родители любят ее, и опять помахала Денису:

– Пап, пап, иди ко мне! Вместе полежим на воде, а мама нас сфотографирует!

– Сейчас! – крикнул Денис. – Мурашки прогоню и приду!.. Уже плыву-у! А ты, малыш, сама сюда заворачивай! – Он обернулся к Оксане: – В жизни так далеко не заплыву. Хотя здесь, говорят, и нельзя утонуть... в этом море...

Оксана вытянула ногу, к которой он прислонился, и сказала:

– Маргошка становится все больше и больше на тебя похожа...

– Правда?

Оксана засмеялась:

– Ага, с затылка!

Денис заглянул снизу под переливающиеся стекла ее солнцезащитных очков, чтобы увидеть глаза жены.

– А на Дато?

Оксана выпрямила обе руки над головой, потянулась.

– А на Дато она никогда и ни в чем не была похожа. Она – просто моя дочь. И больше ничья.

– Как у вас всё... у миллионщиц...

Оксана пожала плечами:

– При чем тут мои деньги? Просто женщина – это настоящий родитель, а мужчина – носитель недостающего гена. Гениальная задумка Создателя... – Она внимательно посмотрела на мужа. – Я знаю, о чем ты подумал. Я тоже об этом думаю... Иногда. Но я не могу оставить работу, Денис! Ни на девять месяцев, ни на два. Разворуют все, так разведут, концов не найдешь. Нищими останемся. Или сядем.

Денис, собирая из серых камешков пирамидку, кивнул:

– Конечно, конечно... Оксанка, а вот если бы наше правительство разрешило двоеженство?

Оксана остро взглянула на него поверх темных очков и улыбнулась:

– Я бы разрешила себе троимужество.

Денис удивленно посмотрел на жену:

– А кто третий, интересно?

Оксана засмеялась:

– А кто второй? – Она поцеловала его в шею и обняла за плечи. – А по поводу свечки ты зря сегодня утром обиделся. Это ненужная степень близости, понимаешь? Я тебе не мать, не медсестра, не секретарша.

– Ты не против, если свечки мне будет ставить секретарша?

– Попробуй, увидишь, – снова засмеялась жена.

Денис не успел ничего ответить – услышав звонок мобильного телефона, лежавшего рядом с ним на шезлонге, он взял трубку.

– Да!

– Денечка! Это я... Ты... когда приедешь? Ты с Маргошей, да?

Денис крепко прижав трубку к уху, быстро взглянул на Оксану:

– Н-нет. То есть... Да.

– А когда ты приедешь? У тебя останется хотя бы пара свободных дней? Мне без тебя плохо.

Денис чувствовал, как внимательно и спокойно смотрит на него Оксана. Он прочистил горло и официально ответил:

– Да-да, понял, спасибо за звонок.

Он быстро нажал отбой и положил телефон рядом с собой. Тот тут же зазвонил снова. Денис, вздрогнув, быстро взглянул на дисплей. Увидев, какой номер определился, успокоился и радостно заговорил:

– Да, Андрей, привет! Да все отлично! А-а-а... Это не ко мне, это тебе Оксанка лучше подскажет. – Он протянул жене телефон. – Оксанка! С тобой люди хотят побеседовать, не со мной...

Оксана, все время смотревшая на него после Алениного звонка, встала и молча пошла к морю. Денис проводил ее взглядом.

– Гм-м... Извини, Андрюш...

Он отключил телефон совсем и отшвырнул его.

– Ч-черт! «Без тебя мне плохо...» А мне без тебя просто... – Он выругался. – Подыхаю я просто без тебя, милая! – яростно бормотал Денис, расчищая рукой около себя мелкую гальку. – Вот дрянь, а! Названивает... Вот дурак я!

– Пап, иди купайся! Вода – супер! – снова весело закричала Маргоша.

Отряхнув руки, Денис резко встал и быстро пошел за женой в море. Так же, как она, войдя в воду, лег на спину, раскинув руки.

– Оксанка! Слышишь меня? Это не то, что ты подумала!

Оксана вздохнув, отвернула голову и отплыла от него подальше. Денис чертыхнулся и тихо договорил:

– Это настолько не то, что ты даже себе не представляешь...

Полежав еще несколько минут в теплой целебной воде, он вышел из моря, захватил свое полотенце, ополоснулся в пляжном душе и один пошел в гостиницу.

В номере он опять долго стоял под душем, отфыркиваясь, откашливаясь, пытаясь отогнать навязчивые мысли.

Он потерял бдительность. Он попал в ловушку. В ловушку...

Ему некстати вспомнились эти дурацкие строчки на разлинованном листочке из школьной тетради – все ведь нарочно! наивная трепетная школьница! – который она изловчилась запихнуть ему в карман пиджака. И видел-то он ее когда? Недели три назад? Школьницу эту... с несколькими аккуратно состригаемыми седыми волосками в трогательном девичьем хвостике...

Ну да, три или около того, когда он привозил ей продукты, чтобы она не таскала тяжести. Ну и, естественно, не удержался, остался ночевать, хотя ведь зарекался... Значит, все это время листочек валялся у него в кармане. И только вчера ночью, когда со сна искал мобильный, который дребезжал непонятно где, он нашел в кармане этот идиотский сентиментальный бред:

... А встретит Вас – лишь улыбнется
Она (иль вовсе не она),
Что к Вам сейчас так жалко жметя,
Что так беспомощно верна...

«Улыбнется...» Она – не улыбнется! Она с ором и ревом будет нестись за ним, разбивая себе башку. А ему – его единственную жизнь.

Ведь был же какой-то момент, но он его упустил... Когда она споткнулась о его раздражение и равнодушие, сначала не поверив в них... Думала, он от радости завизжит, что ли? А потом всё пыталась поговорить с ним, непонятно о чем, правда... О чем им было теперь гово-

рять, когда и раньше-то кроме шуток и каламбуров он не мог ей ничего сказать... А теперь? О чем говорить родителям нежеланного ребенка? Он почувствовал ее отчаяние и еще подогрел его:

– Исправляй, исправляй ошибку! Считаешь, что я подонок? Так скажи прямо!

– Я не хочу с тобой ссориться, Денис...

– Так и я не хочу, Алена! Я просто советую тебе: ты забеременела от подонка – так исправь ошибку!

И она как-то вся сникла, затихла. И только раз позвонила, спросила:

– Ты разве не рад, Денис? Скажи мне? Совсем не рад? Ты же сам этого хотел...

Хотел... Мало ли чего кто хочет! Когда это было!.. В одиночестве опустевшей квартиры чего только не захочешь и не придумаешь! Ну да, брякнул как-то: «Роди мне сына...» Что-то вроде того... Потом момент прошел, настроение изменилось. И что было делать? Отказываться от своих слов? Обидится, затаится со своей обидой, а он – засядет в обнимку с одиночеством. А с кем еще? Если Алена приходить не будет... Да и так иногда хотелось показать зазнавшейся, независимой Оксанке козью морду! Хоть как-то! Хоть чем-то!

Только вот ребенок у Алены почему-то сразу не получился, и Денис постепенно успокоился... Дурак! Легкомысленный идиот! Сразу не получился, а через год – получился! Если, конечно, это его ребенок... Денис попытался зацепиться за эту спасительную мысль, но она легко ускользнула. Сомнений почти не было. Надо было хоть раз видеть эти ее глаза, с нежностью смотрящие на него... Доверчивые, нежные, неумные глаза... Ох...

Денис пустил горячую воду и постоял под ней, чувствуя, как постепенно расслабляется его как будто окаменевшее тело.

Но не пошла она «исправлять ошибку». Да и глупо было на это надеяться: в ее-то не очень уже юном возрасте – первая беременность... Почему-то он продолжал верить, что как-то все само утрясется, рассосется... Может, слабая, тонкая Алена не выдержит своей собственной боли, слез, и не прикрепится у нее там ничего, выйдет наружу... *это...* которое может испортить всю его жизнь, и о котором она уже говорит, как о живом ребенке...

Однажды она позвонила ему и растерянным, испуганным голосом попросила купить какое-то лекарство, по возможности срочно. У него замерло сердце. Он поехал в аптеку, прочитал по бумажке название, и фармацевт сочувственно взглянула на него:

– Угроза?

Денис не понял:

– Что-что?

– Угроза выкидыша у жены?

Денис судорожно сглотнул и кивнул:

– Д-да, то есть вроде нет... Не знаю, для чего это, наверно, сама придумала, любит всякие таблетки... – забормотал он. – Ничего такого нет...

Он купил лекарство, но Алене звонить не стал. «Как бог даст... – отгонял он весь вечер свои сомнения. – Не помогать и не мешать... Что мы можем? Ничего, только все запутываем своей суетой... Суетись не суетись, а от судьбы не уйдешь... Еще неизвестно – что лучше. Плодят бедных, несчастных, никому не нужных детей... Эти мамы-одиночки с высушенными тоской и бедностью лицами и ненавистью ко всему миру... И вообще... Сколько голодных брошенных детей... В общем – сама позвонит, если нужно, а то придумывает вечно себе какие-то болячки...»

Ночью он кряхтел, ворочался, вставал пить то воду, то выдохшееся пиво, уснул только под утро. А придя на работу, сразу позвонил Алене. Она, не слушая его оправданий, радостно сообщила:

– Ты знаешь, а это у меня, оказывается, никакая не угроза! Просто... ну, тебе это неинтересно. И не надо никакое лекарство покупать. Ты не купил еще?

- Н-нет... То есть я узнал, где оно продается, искал вчера, вот нашел, сейчас поеду...
- Не надо, Денис, спасибо, все у меня хорошо.
- Ага, ну давай, я позвоню... Я побегу, ладно?
- Да, беги. Конечно.

Наверно, она что-то поняла. Или почувствовала, она так всегда всё чувствовала... Больше ничего не сказала и не спросила, но затаилась и совсем перестала ему звонить. И сама не отвечала по телефону. Денис знал, что она, конечно, дома – куда ей пойти-то? У матери в квартире вечный кавардак со студентами и этими ее безумными фигурами и корягами... К подруге тоже вряд ли... Скорей всего просто не берет трубку, видя его номер. Но что она сейчас делает? Ревет целыми днями? А может быть – уже избавилась? Сама... Как там говорил сердечный друг Дениса, верный Эмиль? Надуманная проблема, ведь все проще простого: в горячую ванну и водки с перцем – у нее же стоит в баре та бутылка, которую он, Денис, не допил в прошлый раз... Или попрыгать с аквариумом...

Но у Алены нет аквариума... У нее нет мозгов, нет гордости... И нет денег. А это значит вот что: она перечеркнет всю его жизнь. Денис вдруг понял отчетливо и ясно, что именно будет через три, четыре месяца. А может быть, раньше или чуть позже... Ничего больше не будет. Жизнь, его жизнь кончена. Оксана никогда ему этого не простит. Как она ничего никому не прощает, а уж ему-то, так ей обязанному, – тем более не простит.

И у него не останется никого и ничего. Ни веселой Маргоши с полными румяными щечками, родной, ни на кого не похожей, но все равно любимой и единственной. Ни гордой Оксанки, рядом с которой можно лечь и пролежать всю жизнь, читая «Науку и жизнь» и смотря канал «Культура» или «Дождь»... Не будет прекрасной работы, которую ему устроила Оксана, с молодыми хамоватыми сотрудниками, впятером тянущими всю фирму, напролом, лишь бы заработать, лишь бы прорваться, не важно, какими средствами, лишь бы не вернуться к себе в Тмутаракань с дырявым карманом...

Не будет машин, которые у него бьются, как старые чашки: чпок! – и еще одной машины нет, чпок – и у другой капот набок свернут... А под окном уже новая стоит... И записка, в переводе с матерного – как это Оксанка так лихо научилась за последние годы и ругаться, и шутить матом? – «Это – последняя, Деня. Разобьешь, за новую придется тебе самому покоряться».

Не будет роскошной Оксаниной дачи, двухэтажного особняка, с камином, медвежьими шкурами и сторожевыми ротвейлерами. Она купила ее целиком, со всем содержимым, у проигравшегося вчистую депутата. Конечно, что-то Денису камин и шкуры – суета сует. Но там, наверху, есть комнатка, куда надо подниматься по скрипучей лестнице и где можно запереться на медный навесной крючок... И если сесть за стол в этой комнате, включить компьютер и смотреть в окно, на громадные ели, на прекрасный закат – в голове иногда рождаются такие мысли... такие прозрения... Только записывай, твори, его неоконченная диссертация еще ведь удивит всех...

Но ничего этого не будет. Ни елей, ни закатов, ни ежемесячной надежной зарплаты, которая растворяется у него в руках за две недели, ни строгой и любящей Оксанки, ни сопящей умненькой Маргоши, ни шкур, ни машин с шоферами, ни даже квартиры – не оставит же его жена в этой квартире... Не будет ничего.

А будет – глупая пузатая Алена, инфантильная, беспомощная, со своей навязчивой любовью и покорными ласками. А потом – орущий ребенок в вонючих пеленках из старых простынь, с диатезом, соплями и зеленым поносом.

Будет однокомнатная Аленина хрущоба с фотографиями ее чванливых родственников без копейки за душой, с нелепыми игрушками ее покойного папаши – бутафорскими пистоле-

тами, деревянными слонами и серебряными ложками, обгрызенными поколениями таких же восторженных дур.

Будет нищета, будет голод.

В шесть утра – на молочную кухню, за бесплатным питанием, чтобы сэкономить двенадцать рублей на кефире. И бегом обратно, дрожа от холода в залатанных ботинках и перешитом пальто, к ней, к этой дуре, у которой отвиснут груди и живот, расплывутся бедра и вздуются от стирки вены...

Это будет конец всему. Зря он столько лет старался и скребся, и столько раз начинал все сначала, терпел и надеялся... Это будет конец, конец...

Денис вышел из душа, включил в своей комнате кондиционер на самый холодный режим, жадно выпил целую бутылку крепкого ледяного пива и лег на кровать.

Начал было проваливаться в сон, но сердце тут же стало убыстрять свой ритм, едкая тошнота подкатила к горлу, в ногах запульсировала тяжелая горячая кровь. И сон ушел. Денис услышал, как вернулись с пляжа Оксана с Маргошей. «Сейчас команды начнутся: вставай, одевайся, пошли... не так оделся... не ковыряй в носу...» Денис сглотнул кислый комок, застрявший в горле... «Да пошла ты тоже к черту, Оксанка, хозяйка... мамочка! Все пошли к черту!.. Что же мне покоя-то нет...»

Он маялся-маялся, пытаясь догнать ускользающий сон, несколько раз вставал, пил из мини-бара холодное горьковатое пиво, запер дверь к себе в комнату. Лег обратно и вдруг понял, что не уснет.

Надо вставать. Надо вставать и разгребать весь этот ужас. Дурдом... Ну как можно было в такое крошечное пространство втолкнуть столько вещей!..

Денис попытался подняться и не смог, на лицо ему свалилась тяжелая пыльная подушка. Он с трудом отбросил ее и увидел, что подушку кинула в него Алена. Чудовищно толстая, в грязном халате, нечесаная, с опухшим лицом, она качала на руках орущего ребенка, и огромная грудь с сухим потрескавшимся соском то и дело вываливалась у нее из распахивающегося халата. Почему не пришить пуговицу, она болтается на длинной нитке туда-сюда, царапая Дениса по лицу... И как же мерзко орут некоторые дети... Истошно, пронзительно... Как бы заставить его замолчать? «Заткнись!» – заорала Алена, тряся ребенка так, что у него из стороны в сторону беспомощно замоталась голова. Но от этого он закричал еще сильнее, срываясь на визг, а она стала яростно мешать в большой кастрюле макароны.

Денис увидел, как лицо ее стало краснеть и набухать от подступающих слез. Алена зарыдала, подскочила к нему с половником в руке и стала бить его по голове. Слизкие, липкие макароны... пахнущие плесенью и сырой землей... «Ешь! Ешь, сволочь!» – орала Алена, и Денис ел, давился и ел, выплевывая изо рта червяков, тараканов... Алена склонилась над ним, рыдая, и Денис увидел, какой у нее огромный рот, в котором почти нет зубов. Черный, страшный... Она ловко поддела качающийся передний гнилой зуб, выдернула его и бросила в тарелку Дениса.

– Пумс! – истерически захохотала Алена.

Денис выпрыгнул в окно на траву, сел на землю и попытался снять с лица опутавшие его тонкие длинные спагетти. Внезапно он услышал звонкий смех и увидел невдалеке на крыльце прекрасного дома похудевшую красивую Оксану. Она весело помахала ему рукой и закричала ласково, как собачке:

– Ко мне! Иди сюда быстро, безобразник какой, а ну иди ко мне!

Денис со всех ног побежал к ней, спотыкаясь и падая во влажную траву. Оксана протянула пальцы, унизанные сверкающими колечками:

– Сейчас я тебе лапки помою! Ты какой грязь-я-язный!.. – Она брезгливо отдернула руку. – Фу! Отойди от меня! Отойди, грязнуля!.. В чем у тебя вся морда? Гадость какая...

Она ударила его по носу, оттолкнула ножкой, обутой в чистый белый ботиночек на небольшом изящном каб-лучке.

– Гадость, гадость...

Денис с трудом разлепил глаза. Его тут же замутило. Тяжелым давящим мешочком внутри лежал собственный желудок. Все тело его ломило и чесалось, во рту было кисло и сухо, он ощущал какой-то тошнотворный приторный запах моллюсков, тины, в голове еле слышно, но настойчиво гудело. Сердце стучало тяжело и неровно, то останавливаясь, то резко начиная колотиться в грудной клетке.

«Да что такое?» – подумал Денис, привстал на кровати, огляделся и все вспомнил.

Он увидел записку, подsunутую под запертую дверь: «Ты ведешь себя неправильно. Ты не для этого приехал с нами на отдых. Увидимся вечером». Аккуратно сложив записку вдвое, потом вчетверо, он разорвал ее и разложил клочки в ровный кружочек на шероховатом светлом покрывале, на котором почему-то лежал поперек. Сел, спустил ноги на пол. Выпил едкой минеральной воды из бутылки, поморщился. Тяжело. Болит голова. Плохо. Все очень плохо.

И странная мысль пришла ему в голову.

Он не трус, нет. И не подонок. Почему эта девушка решила, что может ломать ему жизнь? Алена сама избрала свою судьбу. Никто ей ничего не обещал. Не надо было шляться к нему в квартиру. Хотя она однажды и сказала: «Денис, мы так с тобой неосторожны, а ты ко мне стал плохо относиться...» Ну и что? Он никогда по-другому и не относился. Она что, не понимала этого, нося с собой туда-сюда туфли и помаду в пакете? Кто, кстати, к тебе, шлюшке, жалкой и безропотной, по-другому относиться будет? Никто. Если женщина спит с тобой без обязательств, она – кто? Шлюха. Она хоть раз его спросила – он собирается с ней жить, вообще затевать что-то серьезное? Нет. Не спросила. Почему? Какая разница почему. Не спросила. Если бы спросила, он бы ей ответил... Да, ответил бы... Разъяснил бы, что к чему...

Она его просто подловила... Дрянь, провокаторша! Она должна за все заплатить. Она должна заплатить за то, что так его напугала. За то, что он сейчас сидит, как описавшийся при всех мальчишка, прея в собственных штанах... Зря она полезла в его жизнь. И не время разбираться, кто в чью жизнь полез.

Почему он должен платить за ее удовольствия? Она же к нему за удовольствиями ходила. А за чем еще женщины ноги свои раздвигают? Еще ведь хотят получить что-то за это. Ничего она не получит. Пусть страдает за свою распущенность. Его мама не бегала к мужчинам, не зная, увидит ли она «любимого» когда-нибудь еще или нет. У всего есть своя цена. У таких Ален – тоже. И пусть платит. Ведь не он же должен платить, в конце-то концов, за дурь этой московской неприспособленной козы, которая хочет уволочь его на свое дурацкое дно с романтическими бреднями и зарплатой, которой хватит на батон хлеба в день и свежую газету. И он не подонок, нет. Просто... Почему, ну почему так получается? Что он лично плохого делал? Что? Он перед всеми виноват – и перед Оксаной, и перед Маргошей, и перед этой дурой. Но он – не виноват. А тогда кто? Слабая беспомощная Алена? Своими тонкими ручками свернувшая шею ему, доверчивому дураку? Почему-то эта мысль не успокаивает...

Денис опять почувствовал тошноту. Он встал и пошел в ванную умыться, прислушиваясь, ушла ли Оксана. Да, кажется, в смежном номере никого нет. Как удобно все-таки: вместе и отдельно...

Денис пустил струю ледяной воды, слегка намочил голову и, сделав воду теплее, прополоскал горло. Мерзкая отрыжка... Что он ел? Какие-то арабские тефтели непонятно из чего... Из всего... Да что бы ни ел, если сдобрить мыслями об Алене – встанет колом! Вот тебе и «безболезненное решение сексуальных проблем» и «воплощение тайных фантазий» – в виде брюхатой беспомощной идиотки, которая наверняка сидит сейчас в Москве в обнимку с телефоном и преданно ждет его звонка. И на ее вечно зареванном, а теперь еще и покрытом пиг-

ментными пятнами лице светятся упертая, счастливая любовь и надежда на светлое будущее с ним, с Денисом. И с тем, что она так настойчиво предлагает Денису сразу и бесповоротно принять – полюбить! – прямо сейчас, в ее безобразном, раздувающимся брюхе.

– О-о-ой... Надо что-то делать. Делать. Пока не поздно. Господи... Что? Что делать?

Денис посмотрел в зеркало. Жуть. Что она с ним сотворила, эта милая девушка... Так недолго и остатков здоровья лишиться... Болит все, что может болеть, как у разваливающегося старика...

В кармане шорт, которые он надел прямо на голое тело, что-то пикнуло. Денис достал телефон и прочитал на дисплее: «Нам уже 68 миллиметров, мы тебя целуем». Он перечитал фразу несколько раз, аккуратно удалил ее из памяти телефона, выключил телефон. Вышел на балкон, оперся руками на перила из светлого, не нагревающегося металла и, глядя на коричневатое в полуденном свете море, легко и отстраненно подумал: «Так. Стоп. Но делать ведь это надо, пока я здесь».

Решение, такое простое и ясное, пришло только сейчас, вместе с осознанием всего ужаса происходящего. Ждать нельзя, тянуть нельзя. Да и гораздо лучше действовать, пока его нет в Москве. Тогда на него никто и не подумает.

Денис судорожно вздохнул и набрал мобильный номер Евгения – Женьки, своего начальника, заместителем которого он с Оксаниной подачи так успешно работал уже полтора года. Женька был хозяином, на работе появлялся не каждый день – у него было много разных занятий и фирм. Знал его Денис давно, еще с тех пор, когда тот приходил к Оксанке отдавать долги, успешно заработав на перепродаже программного обеспечения. Те, кто что-то создает, как правило, не умеют продавать. А Женька придумывать ничего не может, а продать – запросто, что угодно, за любые деньги. Женька вряд ли откажет ему. Хотя...

Денис услышал знакомую мелодию ожидания на Женькином мобильном телефоне, и бодрый голос с едва уловимым говорком, оставшимся от хабаровского детства, ответил:

– Слушаю. Алло!

– Жень... – Голос звучал так сдавленно, что Денис сам себя не узнал. Он прокашлялся и повторил: – Жень, привет, это я...

– А-а, Денис! Привет-привет! Как отдыхается? Не стреляют?

– Да нет... Хотя надо было бы... кое-кого... Жень... У меня дело такое...

– Слушаю тебя. Только давай быстро, а то я стою под дверью у большого толстого дяди, который обещал нам простить на время пару миллионов, если мы будем хорошими мальчиками. Так что там у тебя?

– Жень... Мне надо срочно решить одно дело... В общем, у тебя, случайно, нет завязок... ребят каких-нибудь... типа конторы Кильдяева? Ну помнишь, посадили его в прошлом году...

Евгений вздохнул и спокойно ответил:

– Ага. Понял. Влип куда-нибудь, что ли?

– Ну да, примерно...

– А подождать это не может? Давай до Москвы, а? Приезжай, поговорим...

– Ну-у... совсем нежелательно... никак... Я тут за две недели чокнусь...

– Ясно... Проигрался?

– Да если бы... Хуже... Тут такое дело...

Евгений холодно вато заметил:

– Объяснил бы... Ну, допустим. Ладно. С Оксаной и дочкой все в порядке, по крайней мере?

– Да, да! Здесь другое, личное... Я... ну в общем... Так не объяснишь, но мне крышка, понимаешь. Мне срочно надо, Жека. Ну помоги, прошу.

– Ладно, не напрягайся. Тебе перезвонят.

Минут через двадцать, которые показались Денису вечностью, раздался звонок. К удивлению Дениса, звонил сам Евгений. Голос его звучал холодно и отстраненно.

– Имей в виду... Лишнего не болтай. Обо мне, я имею в виду. Кто чего кому дал... какие наводки. Ясно?

– Ясно, Жень, ясно! Спасибо, я ничего такого...

– Не тарахти. Пиши номер и звони с уличного автомата. Все ясно? Автомат найдешь? Карточку сообразишь купить?

– Да, да! Ну, Жека, чего ты... Что я, совсем, что ли, ботаник? Пишу!

Евгений продиктовал ему номер и, не попрощавшись, отключился. Денис на всякий случай подождал: вдруг просто прервалось, но потом понял, что начальнику очень не понравилась его просьба. Но – товарищ есть товарищ! Мужская дружба – это, конечно, вещь бесценная и непонятная женщинам, предающим одна другую легко и с удовольствием. Сегодня дружили – завтра разодрались из-за какой-нибудь глупости и всё, что знали, рассказали. У мужчин по-другому. Для предательства нужна серьезная причина.

В почти приподнятом настроении Денис оделся и вышел из номера, постаравшись не хлопнуть массивной дверью. Он быстро прошел по длинному коридору и, завернув к лифту, увидел Маргошу. Приостановился, но поворачивать было поздно – дочка его увидела. Правда, тоже явно растерялась и показала большой пакет чипсов.

– Я за чипсами бегала, не доживу до ужина. Маме не говори, ладно? Она мне не разрешает выходить одной...

– А деньги откуда? – нахмурился Денис, соображая: а что же ему про себя-то сказать.

– Мама вчера дала.

– Понятно. А я... сейчас приду. – Денис побыстрее шагнул в открывшийся лифт. Но Маргоша пролезла за ним и встала близко, дыша острым луковым ароматом жареных картофельных ломтиков.

– Я с тобой, пап, ладно? А то мама спит, мне скучно.

– Я – к зубному врачу, – ответил Денис, чуть отодвигаясь от пышущей жаром и луковыми специями Маргоши. – Наверно, зуб придется рвать... – Оттягивая щеку, он показал зуб и тут же пожалел об этом, потому что Маргоша вознамерилась посмотреть поближе и полезла ему прямо в рот.

– Где, пап? Покажи.

Двери лифта вовремя открылись, и Денис с облегчением вышел. Маргоша вывалилась за ним, зацепившись за что-то свисающей лямкой на бриджах. Чипсы посыпались на пол, Маргоша заохала, подбежала неутомимая уборщица, протирающая день-деньской фикусы и карликовые пальмы в коридоре, разулыбался администратор за стойкой. В общем, все в курсе, все вышли провожать бедного Дениса. Паблисити обеспечено.

– Спасибо, дочка, – не удержался Денис.

– Пап?... – Маргоша подняла на него свои большие карие глаза и попыталась понять его неожиданно злой тон. – Я случайно...

– Да ладно. – Денис хотел быстро обойти Маргошу и без объяснений уйти, но она увязалась за ним.

– А зуб какой? Тот, который ты зимой лечил?

– Ммм... Да. Или соседний, не пойму. Беги, малыш, я скоро. Иди, пожалуйста, к маме, и ничего не говори ей про зуб.

– Хорошо. А почему? – Маргоша, не отставая, вышла за ним на улицу.

Денису пришлось остановиться.

– Послушай, малыш...

– Ну можно мне с тобой? Я тебя за руку подержу, когда тебе зуб будут вырывать. Помнишь, как ты меня держал? Потом мороженое поедим...

Денис обнял дочку и поцеловал ее в макушку.

– Заяц, давай-ка дуй в номер, я, может, к врачу и не пойду – в аптеку и обратно.

– Нет, я с тобой, ладно? Я гематоген себе куплю, у меня еще шекели остались. – Маргоша протянула руку, в которой блестело несколько монеток. – Здесь есть гематоген, как ты думаешь? – Второй рукой она крепко взяла его под руку.

Денис, мягко высвобождая руку, ответил:

– Не знаю. Но зато здесь много инфекций разных... ужасных... Вот таких! – Он показал ей страшную рожу.

Маргоша засмеялась. Денис серьезно подтвердил:

– Правда-правда.

– А как же ты?

– Там при входе дают противогазы, ну, такие, знаешь...

– Наверно, марлевые повязки?

– Точно!

– Принесешь мне?

– Две! – Он быстро пошел прочь, прикладывая палец к губам. – Маме – ничего!

Маргоша горестно кивнула, глядя ему вслед:

– Ага... Быстрее приходи! Пап!..

Глава 2

Денис вышел на маленькую безлюдную улицу, отделяющую отель от города, купил в ближайшем магазинчике телефонную карту, зашел в открытую желтую будку телефона-автомата и набрал номер, который дал ему Евгений.

– Алло, – ответили ему на чистом русском языке. – Алло, вас слушают, говорите! – И еще что-то добавили, очевидно, на иврите.

Денис от растерянности молчал. Может, заговорить на плохом английском и представиться чехом или украинцем? Так, на всякий случай... В трубке что-то щелкнуло, и та же девушка, или другая, но тоже русская, доброжелательно продолжила:

– Вы набрали конфиденциальный номер службы помощи согражданам, нуждающимся в правовой защите. Не молчите, пожалуйста. Вас слушают друзья и готовы помочь.

– Да-да, – наконец произнес Денис. – А я не в Россию звоню? То есть... Я вижу, что номер местный, но я думал... Я вообще-то просил... Я не понял...

– Говорите, вас слушают, – терпеливо ответили ему.

– Хорошо. Мне нужна консультация... помощь.

– К вам подойдет наш человек.

– Что, прямо здесь? В Израиле?

– А где бы вы хотели?

– Ну, я думал... Думал, по телефону...

– По телефону такие вопросы не решаются, – благожелательно объяснила девушка.

– Ну да, в том-то и дело... Я думал договориться, а потом в Москве...

– Вы хотите отложить этот вопрос до Москвы?

– Н-нет... То есть да... То есть... нет. Нет!

– Что конкретно вам нужно?

– В смысле?

– Телохранители, слежка, особые услуги? – спокойно перечислила девушка.

– Особые... услуги, – с трудом проговорил Денис.

– Конечно, это возможно, – заверила девушка. – Пожалуйста, записываю ваши координаты.

– Что, прямо сегодня?

– А когда бы вы хотели?

– Д-да, – выговорил Денис, вытирая пот с висков и лба. – Да, сегодня.

Через два с половиной часа Денис, так и не вернувшись в отель, сидел в маленьком кафе на центральной и, по-видимому, единственной площади в центре городка, потому что иные координаты он дать не мог. Тщетно пытаясь отвлечься, он напряженно ждал той минуты, когда появится человек, которому он должен будет сказать... сказать о своей беде... Все странно, нереально... Денис никак не мог поймать хотя бы одну понятную, до конца понятную мысль. Что он сейчас скажет? Кто это придет? Неужели вот так всё делается? Правильно ли он поступает? Что, у Женьки и вправду есть такие завязки? Неужели у них так глубоко всё связано с криминалом... Он и не думал... Да при чем сейчас это... Просто... Не думал он, что когда-нибудь об Алене, к которой он столько лет приезжал как на праздник, которая была отдушиной, радостью, он будет говорить с... Кто сейчас придет? Там сказали – «помощь согражданам»... Зачем так официально? Прячутся? А что они могли еще сказать? На всякий случай, что ли, оформляют свой «бизнес»? Бизнес... Что он сейчас будет говорить? Что он не хочет, чтобы у него родился ребенок... О господи, ну как же было так влипнуть... Влипнуть...

Подошел и, слегка поклонившись, встал у столика официант.

Денис посмотрел на него. Выпить бы, конечно, водки, ледяной, обжигающей... Официант молча улыбался и выжидательно смотрел на него. Денис, вздохнув, заказал пиво, для наглядности ткнув на бутылку, нарисованную на рекламном щите:

– Уан биар! Уан! О'кей?

Официант кивнул и собрался уйти. Денис снова окликнул его:

– Эй! Хэллоу! – И показал на пальцах обернувшемуся официанту: – Ту биар! Два! Цвай!

И... колд! Понимаешь?

Официант чуть склонился к нему:

– О'кей!

Денис забарабанил пальцами по столу, покачался на стуле, стал разминать шею, раза три посмотрел на часы, потом снял их и запихнул в карман длинных шорт. Тут же его взгляд упал на огромный циферблат на площади перед ним. Денис раздраженно передвинул стул, отвернулся и в этот момент услышал мелодию своего сотового телефона. Пока он доставал трубку из кармана, телефон умолк. И сразу же зазвонил снова. Номер не определился. Уверенный, что звонит Алена (а кто еще будет вдруг трезвонить?), Денис сухо, почти не разжимая губ, ответил:

– Да.

– При-и-ве-е-т, родной! Как дела-а?

Услышав хорошо знакомый голос с мягким восточным акцентом, Денис облегченно вздохнул. Конечно, только лучший друг и почувствует через тысячи километров, как ему сейчас тошно!

– Привет, Эма! Ты из дома?

– Ну да...

Денис представил себе, как красивый вальяжный Эмиль, полулежа на диване, гладит любимую рыжую кошку и покуривает кальян в окружении нескольких открытых книг.

– У тебя все хорошо? – спросил тот ласково.

Денис через силу засмеялся:

– Не так хорошо, как у вас, но тоже ничего.

Эмиль почувствовал его напряжение:

– Говорить можешь?

– Вполне.

– Тогда говори.

Денис вздохнул:

– Очень кстати позвонил.

– Я знаю. Переживаешь?

– Да нет... То есть...

– Она мне звонила. Тебя искала.

Денис встревоженно распрямился на стуле:

– Зачем?

Эмиль тихо засмеялся:

– Чтоб ты на ней срочно женился.

Денис мучительно покрутил головой:

– Ой, мать твою... Влип, идиот...

Денис услышал в трубке хруст и неторопливый голос Эмиля:

– Ешь, моя девочка, тебе нужны витамины... Любит кешью... и изюмчик... Папочка тебя накормит... Не все так плохо, Деня. Не думаю, что она доносит ребенка. Слишком слаба.

– А если доносит?

– Тебе решать.

– Что ты имеешь в виду?

– Пусть сходит к врачу. У нас есть прекрасный человек, расплатишься позже. Пусть только придет. Он встретит ее, как свою дочь.

Денис вздохнул:

– Это бесполезно. Сто раз говорил. Ну... не сто... Два раза пытался что-то ей объяснить... Уперлась. И потом, срок большой уже...

– Не важно. Я поговорю с ней.

Денис представил, как Эмиль подходит к Алене, берет ее за локоть, добрый восточный человек с аккуратной седеющей бородкой, улыбается... И почему-то ему стало неприятно.

– Не надо, Эма.

– Почему?

– Не поможет, во-первых. Даже хуже будет. Ну и потом... Как-то по-скотски это...

Эмиль прожевал орех и выплюнул кусочек скорлупы:

– А жизнь твою калечить не по-скотски?

– Она любит меня, Эма...

– Если бы любила, не рожала бы. Шугануть ее надо...

– Как шугануть, Эма?

– Да как... подумать надо...

– Не знаю...

– Ладно, я не лезу. Можешь жениться на ней, подарю тебе на свадьбу черного котенка.

Моя Айтен, моя девочка пушистенькая, – он поцеловал кошку, – собирается малышкой мне принести. Один точно будет черный, да, малышка? Тут под окнами у нас один такой каждый день сидит. Но Айтен на него больше не смотрит, к папочке своему ложится поближе...

Денис увидел, как на открытую веранду ресторана вошел молодой человек в темных очках.

– Эма, все, давай... Еще созвонимся... Спасибо тебе, но... Просто нехорошо будет, если она поймет, что... Ну вроде я тебя попросил поговорить с ней...

– Ладно! Береги себя! А девчонку твою, – Эмиль опять тихо рассмеялся, – надо было еще раньше убить, когда она только появилась на нашем горизонте. Или продать моим родственникам в Стамбул. Получал бы сейчас проценты.

– Вот я и получаю – проценты... Ладно! Привет жене и... – Денис слегка улыбнулся, вспомнив их обычную, изящную формулу: – «той, зеленоглазой, даме».

Эмиль, зевнул, тоже улыбаясь в трубку:

– А! Обе наказаны! Безобразницы...

Денис ответил ему в тон, продолжив привычную шутку, которая не уставала радовать их обоих:

– ... проститутки!

После разговора с Эмилем Денис допил пиво, посматривая на молодого человека, который устроился поблизости. И не заметил, как к его столику с другой стороны подошла коротко стриженная мускулистая женщина лет сорока, которую со спины вполне можно было принять за тридцатилетнего парня. Все это время она сидела чуть поодаль и с аппетитом ела бесцветную желеобразную рыбу, политую жидким зеленым соусом. Ровно в четыре часа, как было условлено, она пересела за его столик. Денис посмотрел на сильные руки, которые она положила перед собой, перевел взгляд на загорелое спокойное лицо без следов косметики.

– Господин Денисов? – чуть улыбнулась женщина.

– Нет... Я – Денис... Турчанец...

Женщина, продолжая невозмутимо улыбаться, объяснила:

– Нам вас так представили...

– А... – спохватился Денис. – Ясно, да... То есть вы...

Женщина кивнула:

– Меня зовут Лора. Я слушаю вас. Мы готовы выполнить вашу просьбу.

– Да я, собственно, даже... не знаю, как сформулировать... – Денис почувствовал, что ему стало нехорошо, то ли от жары, то ли от неожиданности. Он никак не ожидал, что объясняться придется с женщиной. – Извините, сегодня так душно...

– Мы можем для начала просто поговорить. Объясните суть проблемы. Затем сформулируете нашу задачу.

Денис посмотрел на Лору, на ее спокойное и равнодушное лицо с внимательными серыми глазами, как у врача... И вдруг понял, что рассказать ей ничего не сможет.

– Мы готовы оказать вам помощь любого характера и защитить вашу жизнь или собственность, – продолжила Лора, произнося, очевидно, привычный формальный текст.

Денис понял, что если он не заговорит, она уйдет, и он опять останется один на один со своими страхами и кошмарами. Он облизнул высохшие губы и с трудом начал:

– Дело... такое... не совсем обычное... ммм... противоположное охране... Я вообще не думал, что здесь придется встречаться... Я просто поговорил со своим другом в Москве, а он так быстро устроил все...

– Вы не готовы говорить?

– Готов, то есть...

– Я слушаю, – кивнула женщина.

– Я... – Денис четко ощущал, что то, о чем он думал, в слова не складывается. Нет. Что он скажет? Что? Чтобы... Да нет! Это даже для себя сформулировать невозможно, а уж для другого...

– Ваше дело касается туриста в Израиле или кого-нибудь другого? – спокойно и настойчиво продолжила женщина.

– Другого... – с трудом ответил Денис. – Того, кто сейчас находится... там, откуда вам звонили...

– Господин Денисов...

Денис с досадой покрутил головой. Происходящее напоминало ему какую-то неумную игру.

– Называйте меня хотя бы Денис, что ли.

Лора улыбнулась:

– Денис, вы можете говорить абсолютно свободно.

Лора подозвала официанта и попросила его принести бутылку минеральной воды, которая осталась на ее столе.

Денис решил с другой стороны подойти к необходимости произнести самое главное и страшное.

– Я знаю, что это может потребовать очень больших средств. Я... не располагаю неограниченными средствами... и...

– И...?

– Я хотел бы знать... порядок цен.

Лора едва заметно прищурилась.

– Это зависит от услуги, которая вам необходима. От трех до пятнадцати тысяч долларов в зависимости от сложности, обстоятельств дела и квалификации... ммм... сотрудника.

– Плюс конфиденциальность...

– У нас все всегда конфиденциально. – Лора снова улыбнулась. – Разрешите, я вам помогу. Это что-то личное?

Денис, которого несколько часов подряд разрывало от едва сдерживаемого крика: «Убить! Убить эту дрянь!», в ответ только кивнул. Лора отхлебнула мутноватой минеральной воды:

– Понятно.

– Нет, – вдруг сказал Денис. – Не понятно. Мне самому непонятно. Это не то дело. Не надо никого... – ни за пятнадцать тысяч... ни даже за три... Можно по-другому попробовать... Извините, я нервничаю.

Денис вытер матерчатой салфеткой вдруг сильно вспотевший лоб. В голове как будто шевелились острые горячие червячки... Как это говорит Оксана: «Да умири, Господи, огненного беса, сидящего у меня внутри...»

Раньше Дениса всегда смешила эта фраза, стоило ему представить беса, да еще огненного, сидящего внутри у маленькой хладнокровной Оксанки. А теперь он три раза повторил про себя эту фразу и правда чуть успокоился. А что, собственно, тут такого? Что он так сам себя испугал? Обычное житейское дело, воспетое в мировой литературе. Вон Отелло – чуть ли не положительный герой, по крайней мере – страдающий. Не говоря уж о Гамлете. А что – разве он пальцем никого не тронул, этот рефлексировующий бездельник и мученик? Так и правильно. Око за око. А вторую щеку пусть подставляют уроды, тем более что правой рукой по левой щеке в принципе ударить невозможно. Хорошо. Все хорошо. Мы вообще обойдемся малой кровью. Порол же Эмиль свою жену на восьмом месяце беременности, положив ее на бок. Порол за то, что она заболталась в магазине с подружкой, а он сидел дома и волновался, не случилось ли с ней что. И ничего, все живы остались. И жена, и ребенок. Любят и уважают Эмиля. Но Эмиль – хозяин. Богатый, сильный, властный, жесткий, даже жестокий, а он, Денис, – бобик. Или нет?

Он прокашлялся и махнул официанту:

– Пива еще принеси! Биар! Колд!

Лора улыбнулась одними губами, продолжая внимательно смотреть на Дениса. Он залпом выпил огромный стакан ледяного пива, с трудом отдышался и спросил:

– Простите, Лора, а выполнять... делать это будете – вы?

– Делать это будем – *мы*. Это такая же маленькая тайна, как и ваша фамилия, Денис... – улыбнулась Лора тонким ненакрашенным ртом, сливающимся с плоским загорелым лицом. – Вы не горячитесь сейчас, отказаться вы всегда успеете. Начнем с простой услуги, за обычный миротворческий полтинник. Вы мне излагаете суть дела, а я вам предлагаю несколько реальных вариантов... помощи. Идет? Если вас что-то устроит из предложенного, будем говорить дальше.

– Идет, – вздохнул Денис, который уже стал жалеть, что в припадке страха, кажется, потопился, дернул Женьку, и вот уже влетел на полтинник. – Если в долларах, ничего? Шестьдесят...

Денис достал из кошелька купюры пятьдесят и десять долларов, и неожиданно к нему вернулось привычное ощущение уверенности и стабильности, которое он всегда испытывал, трогая шершавую поверхность простых, скромных купюр с неярким зеленоватым рисунком и носатыми, вменяемыми президентами.

– Понимаете ли, Лора, одна женщина...

* * *

Я боюсь... Хватит ли у меня сил... Особенно когда тебя нет. А тебя ведь больше нет со мной, да, Денис? Даже когда ты звонишь и приходишь, ты стал другим, далеким... У тебя такие чужие глаза...

Теперь, конечно, многое изменилось, и я уже не так безоглядно стремлюсь к тебе, как прежде.

Иногда меня пугают твои фантазии, я чувствую в них любопытство к запретному и равнодушие ко мне... Иногда мне кажется, что мы с тобой вот-вот зайдем за ту грань, за которой любви больше нет, а есть лишь грех, блуд... Я часто слышу эти слова в церкви. Так часто, что стала вдумываться.

Я знаю, что существует какой-то высший закон правды и справедливости. И что кусочек этого закона есть в каждой душе. Вернее, не знаю, а верю, хочу в это верить. И если его нарушать, этот таинственный закон, то обязательно будет расплата. И этот кусочек в душе будет гореть и плавиться. А если не нарушать, то расплаты не будет, хотя и награды особой не жди.

Но вера не даст мне ответа на один очень простой вопрос, который меня все больше волнует. Ответить на него можешь только ты. Но почему-то не хочешь. А если бы ты мне задал этот же вопрос, я бы тебе просто ответила: «Я тебя люблю».

Я жду твоего звонка, еще не проснувшись, еще во сне. И мне часто снится, что ты мне звонишь. Я говорю «Алё», просыпаюсь от собственного голоса, а телефон молчит. И я вспоминаю, как раньше ты звонил мне каждое утро. Обязательно дозванивался, чтобы просто сказать те три слова, которые ты больше не говоришь.

Ты объясняешь, что слова – это ерунда, и вообще – такое по многу раз не произносят. А мне кажется, что эти слова надо говорить снова и снова.

Они как ключ, как тайный код, простой и страшный, – потому что обладают огромной силой.

А ты удивляешься: «Зачем спрашивать очевидные вещи?» Наверно, для тебя это действительно очевидно. Хорошо, если так. А я иногда теряю опору и почву под ногами, когда мне вдруг кажется, что... Но одного твоего слова достаточно, чтобы я забыла все свои страхи и обиды. Почему ты так не любишь их говорить, эти слова? Потому что слово к чему-то обязывает?

Ты знаешь, в Москве последние дни так холодно, ночью заморозки, вчера днем был град. А там, где ты сейчас, – тепло, бьются волны, цветут орхидеи. Наверно, рано утром кричат пестрые птицы с длинными клювами и лохматыми головами, будя тебя... Ты выходил на балкон и смотришь, как первые лучи огромного, близкого солнца растворяют розоватый туман, плывущий над морем. Или над океаном.

Где ты сейчас? В какой стране, на каком континенте?

Если честно, мне иногда кажется, что ты не очень рад. Ты какой-то... не то что напуганный, а растерянный, что ли.

А может, просто мне хотелось бы много – услышать от тебя совсем другие слова.

Я сейчас думаю – моя ошибка в том, что я слишком долго соглашалась на такие странные отношения, ни к чему не обязывающие ни тебя, ни меня. Я не хотела ничего просить или на чем-то настаивать. Все ждала и ждала. И поэтому не получила вообще ничего. Старуха в сказке никак не могла остановиться в своих желаниях, золотая рыбка рассердилась и все у нее за жадность отобрала. А я так ничего и не попросила... Все боялась – не многого ли хочу... А мы ведь за эти годы даже суток с тобой не провели вместе. Но я не пыталась тебя отбирать, ты же знаешь, ни у Маргоши, ни даже у Оксаны...

Наверно, зря ты не отпустил меня, Денис, когда я еще могла уйти, когда была одна...

Не понимаю, как, почему ты вдруг с Оксаной поехал отдыхать? Ведь вы давно расстались, у каждого своя жизнь. Ты же так мне говорил. И у меня не было причин тебе не верить. Ты хороший, добрый, очень честный человек. Ты меня никогда не обманывал. И мучился оттого, что обманывал Оксану, не мог сделать ей больно, даже когда вы уже расстались. Ведь если бы вы не расстались, у нас бы ничего с тобой не было. Когда мы встретились, ты был такой одинокий, такой потерянный, ты мне всегда говорил, что со мной кончилось твое вечное одиночество, что я – твоя половинка, настоящая, какой никогда не была и не хотела быть Оксана...

* * *

Денис взглянул на Лору и тут же отвел глаза. Черт, лучше бы пришел мужик... Любой – мордоворот, идиот, тупой мясник, кто угодно... Под внимательным и вполне доброжелательным Лориным взглядом Денис с большим трудом продолжил, стараясь смотреть ей не в глаза, а на выгоревший ежик волос с аккуратным кантиком седины по лбу и по вискам, сквозь который просвечивал загорелый череп:

– Одна женщина, моя... гм... знакомая... мне даже как-то неловко...

– Любыми словами.

Денис через силу улынулся:

– И матом можно?

Лора так же вежливо улыбнулась:

– Если суть проблемы такова, то конечно.

– Она... мы... – Он помотал головой. – И слов-то таких нет...

– Она вас шантажирует?

– Н-нет. Пока, по крайней мере.

– Она должна вам денег, эта женщина, ваша... знакомая?

– Тоже нет. – Денис вздохнул. – Скорей я ей должен.

Лора подозвала официанта и спросила Дениса:

– Не хотите попробовать один редкий напиток местного производства? – Денис кивнул, а Лора по-русски попросила: – Бутылку красного, пожалуйста.

Официант моргнул:

– Момент!

И действительно через момент уже принес бутылку. Денис тут же отхлебнул из своего бокала, который официант наполнил на одну треть.

– Понятно... Ясно... – Он допил до конца и откинулся на стуле. – Чудной какой вкус... Вот скажите, почему всегда решает женщина – рожать или не рожать ребенка?

Лора, внимательно глядя на него, негромко повторила:

– Рожать или не рожать?...

– Да! Она решила – рожать. А ведь любить его должен буду я тоже! А кормить – только я! Чем она его накормит? Огрызками с помойки? И потом – что может дать ему эта дура? Свою нищету и глупость? Чему она его научит? Копаться в мусорных пакетах у помойки? Почему государство разрешает рожать одиноким женщинам? У ребенка должно быть два родителя! Что будет делать малыш, если эта кретинка начнет пить, к примеру, с горя, что я ее, бедную, бросил? Или... колотья?!

– Она – наркоманка? – спокойно спросила Лора.

Денис отмахнулся и налил себе еще вина.

– Да нет, конечно... Просто она такая беспомощная, такая никчемная... Зарабатывает две копейки, блажит в церкви по воскресеньям – поет! В хоре! И еще... детей учит тыкать одним пальцем в пианино... В общем, бездельница. Мне в голову не приходило, что она может вдруг забеременеть!

– Она больна?

– Нет! Просто столько времени не беременела – и вот, на€ тебе! И главное, ставит меня перед фактом: она хочет рожать, потому что она меня любит и хочет от меня ребенка, и вообще – она хочет ребенка! А я его хочу, этого ребенка?!

Поставив неаккуратно бокал, Денис опрокинул его. Лора ловко отодвинулась, темно-красное вино растеклось по клетчатой скатерти и, побежав со стола тонкой быстрой струйкой, закапало на светлый каменный пол.

Денис попытался промокнуть пятно бумажными салфетками.

– Черт, извините... А потом... Потом меня заставят дать ему свою фамилию. Про отчество даже не спросят, запишут с ее слов! Ну а дальше... Дальше я всю жизнь буду нести за него ответственность – один. Один! Потому что за нее саму надо нести ответственность! За кретинку безмозглую!!! – Денис отбросил мокрую салфетку, пропитанную вином, которую он так и сжимал в руке.

К ним подошла смуглолицая пожилая уборщица и молча, тихо протерла пол около стола, положила на край скатерти, испачканной вином, белую матерчатую салфетку.

Денис, машинально наблюдая за ее движениями, пробормотал, не надеясь, что она поймет:

– Спасибо.

Смуглолицая уборщица без улыбки подняла на него темные глаза.

– Она красивая? – спросила Лора.

Денис мгновение непонимающе смотрел на нее.

– Ваша девушка, – пояснила Лора.

– Она? Да ну... Ну в общем... А какая разница? Наверно. Не знаю.

Лора дружелюбно кивнула:

– Хорошо. Не хотите прогуляться? Здесь прекрасный вид, если пойти вниз по улице, к набережной.

Денис вздохнул, достал деньги и помахал официанту:

– Иди сюда, иди! Ты что ж не сказал, что по-русски понимаешь? Я как идиот тут распинался: «айн-цвай-драй»! Сколько тебе заплатить?

Молодой официант смиренно посмотрел на него темными глазами, улыбнувшись, кивнул и отошел к стойке, тут же возвратясь со счетом.

– Fifty-five, – вежливо проговорил он.

Денис вскинулся:

– Слушай, ты чего, охренел? Я же слышал, как тебе по-русски говорили, а ты отвечал! Какой «фифти-файф»? Чего ты выпендриваешься? А-а-а, ты иностранец теперь, да?

Официант, продолжая улыбаться, кивнул и положил на стол узкую кожаную папку со счетом.

Денис почувствовал, как в нем поднимается ярость:

– Ты чего скалишься? И вообще, ты чего мне в вино подлил? У меня сейчас голова разорвется!

Лора успокаивающе положила ему руку на запястье и слегка сжала его.

– Это другой официант, Денис. Хотите, умойтесь минеральной водой, сразу голове легче станет. Вино и правда слишком... терпкое... – Заглянув в счет, она мягко подняла Дениса за локоть, взяла из его руки купюру и, положив ту в кожаную папку, увела его с открытой террасы ресторана на улицу.

Они пошли вниз по неширокой извилистой улочке, спускающейся к морю. Через несколько шагов Денис взял у Лоры бутылку минеральной воды, которую она захватила со стола, полил себе голову прямо из горлышка, умыл лицо.

– Ч-черт... Никогда голова так не болела... – Он сильно сжал и отпустил горящие виски.

Они медленно шли вдоль моря по бесконечной пустынной набережной, обсаженной кустами гибискуса с яркими оранжевыми и розовыми цветками. Денис все говорил и говорил, а Лора кивала и ждала, когда он успокоится и перейдет к делу. Наконец он умолк, и некоторое время они шагали, не произнося ни слова. Потом Денис продолжил:

– И вообще, почему – так? Женщина ведь имеет право на аборт. Церковь не разрешает, а государство-то – пожалуйста, сколько угодно: это и законно, и почти морально... Да и в церкви любые грехи отпускают. Троих убил одной лопатой, помолился, прощения попросил – и ушел

просветленный. А женщина сейчас имеет право на всё. Хочет рожать – рожает. И никто не спросит – а ты вообще кто?! Какая?! Дура, умная, бедная, богатая, у тебя муж есть, родственники есть? Кто ребенка твоего кормить будет? А не хочет она рожать – и не рожает. И никто ничего им не скажет, когда они по пятнадцать абортот делают. Женщина может прерывать нежелательную беременность! А почему бы второму родителю, отцу, тоже не иметь... такого права... – Он запнулся от неожиданно оформившейся в голове мысли и растерянно взглянул на Лору.

Лора кивнула, молча поглядывая на него.

– Тоже... иметь право... прервать... – договорил Денис чуть менее уверенно.

Лора негромко, но четко помогла ему сформулировать мысль:

– Прервать нежелательную беременность? По воле отца?

Денис секунду смотрел на нее, не в силах ни отказаться, ни кивнуть, потрясенный определением. Потом отвернулся, продолжая негромко говорить.

– По воле отца... Ну в общем... надо как-то сделать так... не знаю... Напугать ее, что ли... чем-то... чтобы она... Вот черт! – Он отбросил ногой валяющуюся на дороге ветку кустарника с короткими жесткими листьями. – Почему все нормальные женщины боятся рожать одни – и не рожают! А эта дура!..

– Вы сформулируете мне задание?

Денис посмотрел на Лору так, как будто впервые ее увидел. Незнакомая коротко стриженная женщина с ровным высоким лбом, серыми глазами и странной, подчиняющей манерой разговаривать... Кто она, что она, кого к нему послали? Может, она свистнет сейчас в свисточек, и два дюжих санитара... свяжут ему руки... Денис помотал головой, словно пытаясь разбросать в разные стороны свои ужасы, сомнения и страшную реальность.

– Да. Задание... Конечно. Напугать... То есть... объяснить... каким-то образом... не словами, наверно... – Он посмотрел на Лору, надеясь, что она опять ему поможет, что ему не придется проговаривать все это, но та только вежливо и спокойно слушала его. – Внушить... что... рожать не надо... Не надо! Никому не надо! Ни мне, ни ей, ни этому несчастному человеку, которого она уже сейчас мучает!

– Объяснить. Не словами. Напугать. Так?

– Ну да.

– А если этого окажется недостаточно?

– То есть? – Он наткнулся на жесткий взгляд Лоры. – Ну, тогда... О-о-ох! Почему я раньше сам не убил эту кретинку! И не закопал где-нибудь в лесу!

– Итак?

– Да вот именно так! Я – порядочный человек, я – интеллигент в пятом поколении... Знаете, кто я по образованию? Биолог, а точнее – ботаник! Не смейтесь! Диссертацию писал: «Особенности завязей у двудольных растений». Моя жена еще любила шутить: «у двудомных растений». Дошутились! Я мухи в своей жизни не обидел! И я стал из-за нее, из-за этой ничемной дуры, черт-те кем! – Он открыл портмоне и достал деньги. – Убийцей стал! Ага... Так. Вот, возьмите деньги. Здесь три тысячи долларов. Хватит пока? В общем... Этот ребенок не должен родиться. Не должен! Ради него же самого! Ему будет здесь плохо, очень плохо! Вы понимаете?! А вы, Лора, кто... – он чуть запнулся, – по образованию?

Лора ответила после едва заметной паузы:

– Детский врач. Хирург.

– Понятно... – сказал слегка ошарашенный Денис. – Ну да... Вы думаете, я сам не понимаю, какая я скотина? И никогда, кстати, этого ей не прощу. Потому что из-за кого я стал таким? Я, скромный, застенчивый, порядочный человек... Я никогда всерьез не затевал отношений ни с одной из своих... гм... подружек. Да у меня и было-то... так все... ерунда какая-

то... в командировке, две буфетчицы... Ну и там, случайно если... Я люблю свою жену. Мне кажется, она была в моей жизни всегда. Она для меня – всё.

Лора спокойно улыбнулась.

– Думаете, я – подлец? – неожиданно остановился Денис.

– Думаю, что вы склонны драматизировать события и преувеличивать степень своей вины, – ответила она заученной фразой из старого немецкого учебника по прикладной психологии.

– Вот именно! Я всегда всю вину беру на себя! А она спекулирует на моем... на моих... Ну короче, злоупотребляет моими лучшими человеческими качествами.

Лора слегка прикоснулась к его плечу и молча кивнула.

Денис сощурился, вздохнул и уже спокойнее продолжил:

– Я не знаю, что она там вынашивает, а вот я вынашиваю точно. День за днем я чувствую, как делятся и размножаются клетки, – он снова стал заводить себя от своих мыслей, которые впервые так четко сложились, – мои собственные клетки вперемешку с клетками этой дуры!.. Чтобы через... какое-то время... я ведь точно и не знаю – превратиться в... существо, которое сломает весь мой мир. Вот это я знаю точно. «Как ты себя чувствуешь, Аленушка?» А как я себя чувствую – меня кто-нибудь спросил? Как я себя чувствую?! Не тошнит ли меня, не прерывается ли дыхание, не останавливается ли ночью сердце, не прыгают ли в глазах беспокойные мушки, сутками! Оранжевые – днем! Зеленые – в темноте?!

Лора взяла его под руку, оглянувшись на полицейского, который внимательно поглядывал на разошедшегося Дениса.

– Все утрясется, поберегите себя.

– Да, действительно! Черт с ней! Ч-черт... – Денис споткнулся и, если бы не твердая рука Лоры, упал бы на горячую булыжную мостовую, сложенную из крупных камней неправильной формы. Он перевел дух и почувствовал, как душная волна поднимается откуда-то снизу, распирая грудину, пережимая шею и сводя скулы. Он помотал головой и несколько раз с силой выдохнул: – Да черт с ней! – Денис сплюнул горьковатую густую слюну.

Лора сдержанно кивнула:

– У вас есть фотография?

Денис удивленно взглянул на нее покрасневшими от напряжения глазами.

– Чья?

– Этой девушки, – терпеливо объяснила Лора.

– А, да, есть... наверно. На работе.

– Гм... А с собой?

– Здесь? Нет, конечно. Зачем? Да я вам ее опишу и адрес дам. То есть... Вы что, поедете отсюда в Россию? Или это будет кто-то другой?

– Ммм... Это не мне решать, – ответила Лора. – Вам принципиально знать, кто именно будет этим заниматься?

– Нет, да нет, конечно. Но... Я бы хотел знать, что и как... То есть... Чтобы не было никаких последствий...

– Что вы имеете в виду? – спросила Лора, глядя Денису в глаза.

– Ну-у... там... криминальных... чтобы не перестарались...

Лора усмехнулась.

– Хорошо. Фамилия, адрес. Описывайте внешность, если нет фотографии. Что, ни в телефоне, ни в компьютере ни одной фотографии вашей девушки нет?

– Да не моя это девушка! Она мне – никто, понимаете, никто! Если каждая, с которой я два раза переспал, будет рожать...

– А вы с ней действительно всего два раза встречались?

– Я? – Денис запнулся. – Ч-черт, что, нормальных дорог нельзя сделать... Камни какие-то... Ну не два... Какая вам разница?

– Никакой. Давайте все данные, опишите внешность, если нет фото.

– Вы ее не спутаете! Другой такой идиотки просто на свете нет!

– А беременность у нее сколько месяцев?

– Н-не знаю. Откуда я знаю? Пять или шесть, что ли...

– Извините... Денис... это, конечно, не имеет отношения к технической стороне нашего... гм... вопроса... – Лора сняла с его плеча кусочек высохшего панциря моллюска. – Смотрите, как интересно... – Лора протянула ему панцирь.

Денис посмотрел на нее совершенно дикими глазами. Лора усмехнулась и одним щелчком отбросила засохший кусочек.

– Денис, а вы девушку свою любили? Раньше, пока...

– Любил ли я... Вы что, психолог? Я не нуждаюсь в психологе! Мне нужна другая помощь, я сказал уже...

– Конечно, – миролюбиво кивнула Лора. – Я в каком-то смысле психолог, конечно. Как вы думаете? Нужно же все рассчитать, что да как... – Лора прищурилась. – Чтобы точно и наверняка было, вам же этого надо?

– Да! Да! Мне надо, чтобы все было, как раньше, когда мне нечего было бояться!

– Так как – любили?

Денис дико взглянул на Лору. Что она привязалась? Она вообще – кто? Что за киллер, который спрашивает такие вещи. А может, она вовсе и не... А кто тогда? Кто мог слышать, о чем он разговаривал с Женькой? И кому это вообще может быть нужно? Может, она администратор или что-то в этом роде... Денис со стоном потер виски. Нет, ничего не укладывается сегодня в голове. Плохо так, что одна мысль не вяжется с другой.

Лора выжидательно смотрела на него.

– Хорошо, я скажу. Если вам так любопытно. Мне это неинтересно, но я скажу. Да разве нормальный человек может любить женщину, которая... ну, в общем, что называется, на все согласна... Безвольная ленивая похотливая овца...

– Понятно. Вы не возражаете... – Лора смешно чихнула, издав вдруг тоненький звук на одной ноте. – Ох, извините. Аллергия... на местный целебный воздух... – Она достала большой носовой платок и высморкалась. – Вы не возражаете, – она взяла его под руку, – если мы... наконец уточним сейчас координаты нашей девушки и... пока прервемся. Вам не надо быть дольше на такой жаре. Пойдемте потихоньку обратно. Поближе к гостинице. Мне тоже уже пора.

Денис пробормотал, постукивая себя по намокающим от жары под тонкими шортами бедрам:

– Па-па-тихоньку... Па-па-поближе... П-паранойя! Влип, ид-диот... – Он пнул ногой огромный цветок, оторвавшийся под собственной тяжестью от развесистого куста с ярко-малиновыми соцветиями, и все-таки не удержал равновесия, неловко упал ничком на темные, пахнущие пылью, кисловатыми водорослями и еще чем-то, похожим на запах старой собаки, камни.

«*Не ищи меня среди камней...*» – совершенно некстати проплыли в голове чьи-то странные, томительные строчки. Денис прижался щекой к горячему шершавому булыжнику и тихо, судорожно заплакал.

Глава 3

После неожиданных майских заморозков наконец наступила весна. Алена вышла на улицу ближе к вечеру. Надо погулять, только после этого можно звонить Кире, иначе та обязательно начнет рассказывать, сколько гуляла она, когда носила Алену в животе...

Как странно... Почему Денис никогда никуда с ней не ходил, даже в первые годы их встреч, когда был отчаянно влюблен? Он всегда куда-то спешит, что-то хочет успеть... И похоже, ничего не успевает. Он так мечтает написать диссертацию. Надеется, что она многое изменит в ботанике... И никак не сосредоточится. Никак не вырвется из замкнутого круга: работа, опять работа, дочка, которую он очень любит, несмотря на то, что у нее другой отец, и Алена, без которой прожить невозможно, но и жить с которой вместе Денис не спешит. Хоть он и расстался с женой, уже два года назад, но никогда не предлагал Алене переехать к нему. «Врет! Значит все врет!» – говорит Кира. А Алене кажется, что ему надо побыть одному, чтобы никто не командовал: «Шагом марш на зарядку!», как командовала его жена и как все детство командовала мама. Алена командовать не будет, но Денис этого просто не знает. Он убежден, что все женщины, даже самые лучшие, хотят властвовать над ним. А ему, с его мягким и уступчивым характером, с ними не совладать.

Это было года четыре назад. Денис тогда еще жил в одной квартире с Оксаной. Смеясь, он не раз рассказывал Алене, что они с женой уже давно удивляются, встретившись утром в коридоре возле ванной. И однажды он вдруг сказал Алене:

– Мне очень сложно принять такое решение, но я хочу, чтобы ты была со мной всегда.

Алена замерла и только вопросительно взглянула – правильно ли она его поняла.

– Мне жалко Маргошу, но настоящая жена мне ты, понимаешь?

– Ты мне делаешь предложение, Денис? – спросила Алена, не уверенная, что надо это вот так прямо спрашивать.

– Да, то есть... Ну да. Надо оформить развод... Это непросто... Но я обещаю тебе – слышишь?

И как-то разговор этот замялся. Но теперь Алена знала – у Дениса самые твердые намерения. Она так и сказала матери. Кира тогда только вздохнула, прижала к себе дочку и покачала головой.

– Ну дай Бог... Жаль, конечно, что так все... Надеюсь, не ты – причина их развода?

– Он говорит, что это еще до меня началось, они слишком разные люди. Им вместе тяжело.

– Ты ему веришь?

– Мам... Как ему можно не верить? Он не умеет врать, просто не умеет.

– Аленушка... – Кира погладила дочку по голове. – А своей жене о тебе он честно рассказывает? Если уж врать не умеет.

Алена растерялась.

– Я не знаю.

– А я вот как-то думаю, что вряд ли. Так что насчет безусловной честности...

– Мам, но он очень искренний человек!

– Из чего это следует, доня моя?

– Он говорит, что не может кривить душой...

– А! – Кира обняла дочку. – Где-то я переборщила, видимо, воспитывая в тебе полную веру в людей. Я всегда хотела, чтобы ты во всех видела только хорошее. У меня была такая цель. Мне казалось, что так жить легче. А теперь я даже и не знаю, права ли я была... В любом случае – он женат, дочка. Не такой судьбы я тебе хотела.

- Но когда я с ним познакомилась, я же этого не знала...
- А когда узнала?
- Было уже поздно, уже влюбилась...

Занятая своими мыслями, Алена не заметила, как впереди появилась очень старая женщина, согнутая почти пополам, так, что не было видно лица. Наверно, она вышла из-за деревьев, на которых быстро, за два теплых дня стали распускаться первые светло-зеленые листья. Старуха, потупившись, шла прямо на Алену. Девушка хотела посторониться, а старуха вдруг быстро приблизилась, неожиданно подняла руку и стала тянуться к ней, как будто хотела дотронуться до ее лица. Алена чуть отступила, но та, не поднимая головы, негромко попросила:

- Деточка, наклонись поближе!.. Не могу говорить громко...

Алена, глядя как зачарованная на длинные рукава вязаной кофты, из-под которой виднелась цветастая блуза, наклоняться не стала, но все же сделала шаг к старухе. Тогда та схватила ее за руку и яростно сказала, дыша тяжело и смрадно ей в лицо:

- Ты скоро умрешь! Страшной смертью умрешь, в животе смерть свою носишь!

Алена резко потрянула ее руку и, отпрянув, быстро пошла прочь, стараясь не бежать и не оглядываться, инстинктивно прикрывая живот ладонью. Она услышала, как старуха засмеялась и громко запела:

– «И как один умрем в борьбе за это!» – Юродствуя, она стала повторять на разные лады: – В борьбе за это, за это, за это...

Делала она это вполне музыкально, потом забормотала, то ли смеясь, то ли ругаясь.

– И ты умрешь, и все умрем! – выкрикнула она кому-то. – Идешь, гордый! Умрешь, умрешь!

Через некоторое время девушка все-таки обернулась, старуха брела в другую сторону, не оглядываясь, жестикулируя и бормоча. Алена перевела дух.

– Господи...

Кажется, это какая-то примета – когда встречаешь бе-зумца... Только примета чего? Алена достала телефон и набрала номер своей лучшей подруги Наташки. Та, как обычно, наверняка занятая одним из своих троих детей, долго не брала трубку, а потом, запыхавшись, крикнула:

- Да! Алё! Я!
- Нат, не знаешь, что за примета – встретить юродивого?
- Это значит скоро чокнуться самому! – засмеялась Наташка. – Как ты? Бандаж носишь?
- Да, вот второй день привыкаю...

– Привыкай-привыкай, башку только малышу не сдави, крепко не затягивай... Да что б тебя! Извини, Алька, тут у меня... Ну не уроды, а?! – незло, но очень громко закричала Наташка на детей и отключилась.

Алена улыбнулась, представив Наташкиных очаровательных «уродов», и погладила свой небольшой живот, не видный пока под свободной блузкой.

* * *

Денис вытянул ноги в шезлонге, поглядывая на Маргошу, которая шлепала большими руками по воде в бассейне и от этого получала удовольствие, как трехлетний ребенок. Ну что уж так-то, ведь уже тринадцатый год девочке... Он поймал себя на мысли, что любимая Маргоша неожиданно стала его раздражать. Он встал, полный решимости проплыть несколько раз туда-сюда, но услышал звонок своего мобильного. Денис вздрогнул и увидел, как напряженно выпрямилась в соседнем шезлонге Оксана. Денис взял телефон и облегченно вздохнул, услышав мамин голос.

– Деня! Как ты! А? – закричала мама.

Ну почему же мама до сих пор кричит по телефону...

– Нормально, мамуль! Как ты? – Денис постарался подавить мгновенно вспыхнувшее раздражение. – Как давление?

– Да ладно! Я тебе посылку послала, сходи забери, человек приехал в Москву...

– Какую посылку? Мама... – Денис тяжело вздохнул и увидел, что Оксана, прикрыв лицо журналом, смеется.

– Пасту, пасту, сынок, для чистки зубов, немецкую! И еще витамины, очень хорошие, мне одна женщина посоветовала.

– Мама...

– Подожди, не перебивай! И еще я тебе маленький перевод послала. Я знаю, как у вас там все дорого, в твоей Москве...

– Мам, я тебя предупреждал, если ты еще раз пошлешь мне деньги...

– И что? Что ты мне сделаешь? – задорно выкрикнула семидесятипятилетняя Вера Мартыновна и тоже засмеялась. – Мне деньги не нужны, понимаешь? Мне эту пенсию не на что тратить...

– Ага, понятно...

Денис досадливо крутил головой, слушая, как надо чистить зубы – не вправо-влево, а снизу вверх, и что еду запивать не надо, а надо пить только через два часа после еды, и чай черный пить не надо, а надо пить мяту... А заваривать мяту надо не в простой чашке, а в эмалированной кастрюльке, но чтобы она была чистая и неподгоревшая, а еще лучше запарить на водяной бане мяту пополам с мелиссой, можно и зверобой добавить, травку от девяноста девяти болезней, и пить маленькими глотками за полчаса до еды и через два часа после, а в воду питьевую хорошо бы положить серебряную ложку...

– Мама! Остановись! Какую ложку? Какую ложку?! У меня фильтры стоят на кранах, понимаешь? И я воду питьевую покупаю, из родника!.. И я не в Москве сейчас, мама!..

– Хорошо, сынок, – миролюбиво сказала Вера Мартыновна. – Но мяту ты все-таки не выбрасывай, завари. Хорошо? Я тебя очень люблю, Деня. Целую.

Вера Мартыновна отключилась до того, как Денис услышал бы ее слезы. Денис представил, как она сейчас придет с почты домой и станет доставать отца. А тот возьмет собаку и уйдет гулять на четыре часа, до ночи. Молча уйдет, молча придет, ляжет спать и завтра ничего не будет говорить, и послезавтра. Может, буркнет за столом «Соли мало», а может, и не буркнет. Многие знакомые Дениса удивлялись, узнав, что у него есть отец и две старшие сестры. У всех складывалось ощущение, что у Веры Мартыновны на всем свете нет никого, кроме Дениса. Наверно, так оно и было.

Сестры давно уехали, нарожали детей, у одной даже родились внуки. Денис был младше сестер на пятнадцать лет. Когда он собрался в Москву после школы, мама сказала «Не отпускаю» и не отпустила. Он, правда, все равно уехал, но первые годы она звонила ему почти каждый день, хотя бы на одно слово, чтобы услышать его голос, и комендантша колотила с утра пораньше в дверь и орала: «Иванова Зина! Вас там на проводе!» Мама все эти годы посылала ему нужные и ненужные вещи и деньги...

Теперь, когда Денис с Оксаной жили совсем хорошо, не очень было понятно, как поступать с деньгами. Отсылать их маме обратно? Сляжет с сердечным приступом. Копить? Как в этой стране можно что-то копить, особенно такие суммы? Покупать что-то? Кошунственно – что он может купить на мамины четыреста рублей? Две бутылки хорошего немецкого пива и пакет сушеной тараньки? Иногда Денис сам покупал матери лекарства, одежду и посылал ей. Но Вера Мартыновна каждый раз очень хитро находила повод, чтобы забраковать его подарки: пальто оказывалось ей мало, лекарство – не то, чай она такой не пьет и конфеты вредны для крови. Так, чтобы у сына не возникало больше мысли тратить деньги на нее.

– Помнишь старинную восточную легенду? – спросила, вздохнув, Оксана и отложила журнал. – У одной матери был сын. Сын влюбился в красивую и очень своенравную девушку. Девушка сказала: «Если любишь, принеси мне сердце своей матери». Неразумный сын пошел, вырвал сердце из груди матери и поспешил к любимой. Так спешил, что споткнулся и упал по дороге. Сердце выпало из его рук, ударилось об землю и со стоном проговорило: «Сынок, тебе не больно?»

– Оксан, но я же никак к этому не причастен, к тому, что моя мама...

Денис махнул рукой.

– Да я просто о любви говорю, Денис. О невероятной материнской любви, больше ни о чем. Ты действительно тут ни при чем. Она не видит и не знает, какой ты на самом деле. Иногда я думаю: хорошо, что у меня дочка. Дочерей все-таки любят не так безумно и слепо.

– А ты знаешь, какой я? – осторожно спросил Денис и услышал, как на сей раз мобильный заиграл у Оксаны.

– А вот мы сейчас и узнаем, – проговорила Оксана, взглянув на определившийся номер.

У Дениса отчего-то неприятно заныло в груди. Оксана, конечно, пошутила, но уж очень сосредоточенно при этом сказала «Алло. Доброе», да еще встала и отошла подальше.

– Еще раз повторите, чуть медленнее. Поняла. Я поняла. Очень хорошо, – сказала Оксана так, что было ясно: она имела в виду «очень плохо». При этом она так странно взглянула на Дениса...

«Ну всё, мне теперь будет мерещиться всякая ерунда», – подумал Денис и тем не менее не мог заставить себя не слушать, что говорит Оксана. А та отвечала кому-то все так же односложно и жестко:

– Сколько? Какой срок, приблизительно? Понятно. Продолжайте. Всё то же... – кивнула она, метнув при этом на Дениса какой-то, как ему показалось, затравленный взгляд.

Чтобы не смотреть и не слушать, Денис подошел поближе к бассейну, где по-прежнему плескалась Маргоша.

– Пап, смотри, какие у меня руки стали! – радостно закричала она, показывая ему отмокшие ладошки. – Почему, а?

– А ты еще часок посиди в бассейне, у тебя и уши такими станут.

Он не услышал, как сзади подошла жена. Молча пробежав пальцами по его плечу и груди, она с разбегу нырнула в бассейн и поплыла, сильно, без брызг разрубая воду мощными короткими движениями.

Денис в бассейн так и не полез. Посмотрел, как Маргоша, тут же забыв про него, стала догонять Оксану, обрызгав с ног до головы всех вокруг, и пошел купить пива, чтобы отвлечься от горьких и беспокойных мыслей. «Срок!..» Да мало ли о чем она могла говорить... У нее такие дела в бизнесе... Может кого-то на счетчик поставили, или налоговая дала какой-то срок, может, еще что... На воре шапка горит... Как будто весь свет только тем и занят, что в животе у одной девушки растет его, Дениса, ребенок!

Денис выпил, не отрываясь, одну бутылку пива и сразу же купил вторую. Главное, не загонять самого себя в тупик. Не спросила Оксана, где он был, и ладно. Самому ему вчерашняя встреча с Лорой казалась чем-то нереальным, какой-то глупостью. Ну, он чего-то наболтал, маловразумительного, она послушала... Вот зачем только он деньги дал... Не приняла же она это всерьез? Ну то есть... Он-то говорил серьезно, проблема есть, да еще какая... Но поняла ли она, что убивать никого не надо? То есть вообще, кто заикался об убийстве и о чем-то плохом? Кто его знает, как она поняла... Просто пообещалась бы с Аленой, как женщина с женщиной... Убедила бы... Хотя в чем теперь убеждать? И вообще, он так плохо вчера соображал, после трехчасового мотания по жаре, после нескольких бутылок пива, да еще это вино, сломавшее его вконец... Он и сегодня никак не мог собрать мысли хотя бы в одно место в голове. С одной

стороны ему – «трень!», с другой – «брень!». Только на одной мысли вроде сосредоточится, другая, противоположная, ее тут же выгонит...

Денис допил вторую бутылку пива и решил, что надо сегодня позвонить Лоре и как-то объяснить, что...

Что точно надо объяснить, он еще не решил, но ему вдруг стало как-то не по себе. А если она вправду киллер? Он ведь об этом и просил Женьку... Задание... Не зря же она все приставала к нему – «сформулировать задание»? Это, что, получается, он «заказал»... Да нет! Ничего он не заказывал. Он же просто – *сказал*. Мы же часто говорим: «Ох, не буду больше пить никогда!» или: «Чтоб ты сдох!» К примеру... Вот и он сказал, что этот ребенок не должен родиться.

Его ребенок. Его собственный ребенок.

Денис почувствовал, что ему вдруг стало тошно, плохо, заныло сердце, повисла перед глазами паутина с блестящими точками... У него так уже бывало, раза два за последний год. Сейчас сильнее застучит сердце, пересохнет рот, на голову как будто наденут горячий темный колпак, и он на несколько секунд перестанет видеть и слышать... А потом все пройдет... Надо позвонить ей, этой Лоре... Что еще за Лора?... Зачем...

– Я просила тебя не пить столько, да еще с утра! – зазвенел над головой голос Оксаны, которая решила, что он уснул.

– Мне... плохо, Оксан... – еле ворочая языком, пробормотал Денис.

– А мне – хорошо, наверно! Если бы ты знал, как мне хорошо сейчас. – Жена пихнула его в плечо. – Вставай давай, позорище! Ты что пить-то так стал, а? Еще этого мне не хватало!

– Да я... нет... – Денис с трудом встал, стараясь не шататься. – Мне правда нехорошо стало.

– Да? – Жена быстро взглянула на него. – Ну, пойдем в номер. Жарища невозможная. Маргоша! – обернулась она к дочке, которая молча стояла чуть поодаль. – Догоняй!

* * *

Алена уснула поздно. Ей снилось, что звонит мобильный, и она все никак не могла его во сне найти. Пошла в темную прихожую, а ее маленькая прихожая вдруг оказалась огромной, с несколькими закрытыми дверями. За одной из них горел свет, и Алена все хотела туда дойти, но сколько бы ни шла, дверь никак не приближалась... Пока наконец не проснулась и не услышала, что звонит обычный городской телефон. Алена нащупала в темноте трубку.

– Алё...

В трубке молчали, но было слышно, что на другом конце провода кто-то есть и дышит. Алена зажгла свет над диваном и взглянула на определитель. Номер не определился.

– Денис, это ты? – тихо спросила Алена, тут же почувствовав, что это не он.

В трубке все так же громко дышали. Что-то стукнуло в коридоре. Алена прислушалась. Стук повторился. Похоже, стучали во входную дверь. Девушка положила трубку на место и подошла к двери. Не сразу, но заставила себя посмотреть в глазок. Конечно, никого не увидела. Кто-то встал так, чтобы его не было видно, и постучал еще раз. Алена набралась смелости и громко спросила:

– Да? Кто там? Дядя Гриш, если вы, денег не дам.

Ей никто не ответил, но она явственно различила шорох и с ужасом увидела, как на входную ручку кто-то давит с той стороны.

– Ну хорошо...

Алена решила открыть, чтобы побороть собственный ужас. Повернула один замок, помедлила секунду... И быстро заперла дверь на все замки, накинула цепочку и отошла.

Она легла в постель и прислушалась. Стук не повторился, но шагов она тоже не слышала. Значит, кто-то так и стоит там, за ее дверью...

Через некоторое время в подъезде хлопнула входная дверь, и вскоре отъехала машина.

Алена потушила было свет, но сон ушел окончательно. Снова включила бра над диваном, взяла книгу, попробовала читать. Она почувствовала, как по щекам текут слезы, стекая в уши. Алена вспомнила, как однажды насмешила этим Дениса. Он смеялся и вытирал ей рукой слезы... проводил пальцем по бровям, по носу и говорил... говорил... всякие нежные глупости, которые почему-то казались ей обещаниями.

– Ты родишь мне мальчика, и это свяжет нас на всю жизнь... И ты никуда уже не убежишь от меня на своих красивых ножках...

– А если девочку?

– Если девочку... То тебе придется рожать еще и мальчика, и это свяжет нас на всю оставшуюся жизнь, и ты никуда не убежишь от меня...

* * *

Оксана несколько раз пыталась привлечь внимание Дениса, но он сидел отсутствующий, катал шарики из серого и белого хлеба и складывал из них орнамент. Два белых, серый, три белых, серый сверху...

– Деня, ты хорошо себя чувствуешь? – не выдержала Оксана.

Денис ответил быстро, не поднимая глаз.

– Не так хорошо, как ты, но тоже ничего.

Оксана терпеливо продолжила, стараясь, чтобы не прорвалось раздражение:

– А что ты не ешь ничего?

– Худею. – Денис наконец взглянул ей в глаза, налил себе вина и подмигнул Маргоше. – Очищаюсь телом и душой. – Он поднял бокал над головой. – За здоровье... потомков! Присоединяйся, мамочка!

Оксана покачала головой:

– Я лучше вечером... Давай сегодня куда-нибудь на концерт съездим?

Маргоша, до этого молча наблюдавшая за родителями, отправляя в рот кусочки хлеба, тут же энергично подхватила:

– Давайте! Ура! Пап!..

Денис допил вино и тут же подлил себе еще.

– Я сам вам концерт покажу, хотите? Прямо сейчас... – И неожиданно запел, достаточно громко: – Илларион, Илларион, уехал в Сион, Илларион, Илларион...

Оксана, внимательно посмотрев на него, проговорила:

– Тебе надо отдохнуть. Маргоша, пошли.

Притихшая Маргоша тут же вскочила, опрокинув большую солонку. Денис прицокнул языком и выразительно поднял брови.

– Пап, ты не бойся, я знаю, как надо... – Маргоша взяла большой пятерней щепотку соли, махнула через левое плечо и попала прямо ему на голову. – Пап... я не нарочно...

– Да ничего... – Он стряхнул соль с волос, потрепал девочку по руке и даже показал страшную рожу.

Маргоша тут же расхохоталась и громко чмокнула его в ухо. Денис, схватившись за ухо, махнул Оксане:

– Идите уж, а...

Оксана, прищурившись, пару секунд смотрела на него, не дождалась, что он поднимет глаза, и, взяв Маргошу за руку, ушла, больше не оборачиваясь.

Денис посидел, допивая вино, потом решительно взял телефон и быстро набрал номер.

– Ч-черт... да что такое... опять...

Денис набирал снова и снова, но слышал в ответ:

– Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети... – вежливо повторяла незнакомая девушка, даже не понимая, что она сейчас говорит. А говорит она, что он, Денис, никак не может поговорить с этой чертовой абоненткой, которая побежала выполнять какое-то дурацкое задание... Надо же, какая прыть...

– Да черт!..

Денис отпихнул от себя телефон, с жестоким равнодушием сообщавший ему, какой он беспомощный идиот... Во всем... Во всем.

Денис смотрел на тяжелую неподвижную гладь моря, на низко пролетевшую птицу и пытался посчитать, сколько дней ему еще здесь осталось. Многовато... Он, пожалуй, чокнется, если ничего не сделает... Хотя бы не узнает, что там происходит. Денис набрал номер Алены. Никто не ответил. Интересно, определился ли его номер? Когда звонят из-за границы – это не факт. На мобильном может определиться. Позвонить? Денис вспомнил, что использовал не всю телефонную карточку, по которой он звонил Лоре. Он махнул официанту, показал на купюру, которую оставил на столе, – этого явно было много за их обед... Да ладно. Быстро дошел до ближайшего автомата. Набрал Аленин номер.

– Алё, – ответила Алена сразу и вполне жизнерадостно. – Алё... – повторила она через мгновение, как ему показалось, настороженно. – Не молчите. Если хотите меня напугать, то я уже напугалась. Ночью было страшнее.

Денис молчал, не вешая трубку и чувствуя, как тело под тонкой футболкой мгновенно намокло.

– Это... ты, Денис? Да? Если это ты сейчас звонишь, я рада. Я чувствую по твоему дыханию, что это ты... А знаешь, во сколько ты сегодня проснулся? Я плохо спала, и мне не надо было рано вставать, но я проснулась без пятнадцати восемь. Значит, у тебя было без пятнадцати девять, правильно? Денис... Почему ты молчишь? Это ведь ты?

Денис повесил трубку и несколько секунд простоял в телефонной будке, прижавшись лбом к стеклу сбоку. Ч-черт... Черт знает что такое...

* * *

Алена старалась выходить на работу пораньше, чтобы добраться до музыкальной школы пешком.

Она подошла к дороге, когда зеленый свет на светофоре уже начал мигать, и поспешила перейти неширокую улицу. Загорелся красный для пешеходов, а какая-то женщина в светло-зеленом плаще никак не могла втащить большую детскую коляску на тротуар с проезжей части. Алена попыталась помочь ей и ухватилась с другой стороны за нижний борт коляски. Женщина, не обращая на Алену внимания, продолжала нервно дергать коляску.

– Да Господи... – Она дернула изо всех сил, так, что люлька, прикрытая пологом, затряслась.

Алена посмотрела вниз и поняла, отчего коляска не взбирается на тротуар: одно колесо уперлось в выемку на кромке тротуара.

– Подождите, я поправлю... – Она наклонилась, взялась за колесо руками. – Сейчас, не волнуйтесь...

Коляска, оказавшаяся невероятно тяжелой, накренилась вбок, начала заваливаться на Алену, и она, еле-еле успев из-под нее вылезть, стала удерживать ее от падения. Женщина, не поднимая глаз на Алену, молча тянула коляску в другую сторону. Вдвоем они вытащили ее на тротуар, когда мимо уже ехали машины. Алена распрямилась, отпустив коляску, и в этот момент коляска все-таки упала, видимо, оттого, что женщина слишком сильно на нее оперлась.

Алена в ужасе ахнула, ожидая крика ребенка, а женщина пробормотала:
– Вот зараза!..

И непонятно было, имеет ли она в виду Алену или коляску.

Алена бросилась поднимать коляску, из которой по-прежнему не раздавалось ни единого звука. Она взялась за опрокинутый верх, но женщина неожиданно сильно отпихнула Алену, зло проговорив:

– Уйди, не лезь, говорю...

Быстро подняв коляску, она заспешила прочь по улице. Когда женщина задерживала отогнувшийся полог коляски, Алена против воли заглянула внутрь. Ей показалось, что коляска пуста.

Алена стояла и смотрела вслед, какое-то время не имея никаких сил сдвинуться с места. Потом перевела глаза на то место, где только что лежала коляска, и увидела небольшой бежевый предмет. Она подошла и подняла куклу, с красивым личиком, золотистыми локонами и длинными изящными ножками и ручками.

Алена держала куклу, оглядываясь: где же та женщина? Не могла же она так быстро пройти до следующего поворота... А может, и вовсе не из коляски выпала кукла, а потеряла ее какая-нибудь девочка, которая теперь плачет, переживает... Алена почувствовала, что ее палец попал в какое-то углубление в тельце куклы. Приподняв невыразительное клетчатое платице, Алена с ужасом увидела, что у куклы на месте живота – большая овальная дырка. Она видела подобную игрушку у Наташкиной дочки – та очень любила играть, как будто ее кукла ждет малыша, и меняла обычный живот на большой, «беременный». Вот именно такого живота и не хватало у этой синеглазой пластмассовой красотки.

Не в силах оторвать глаз, Алена несколько секунд смотрела на дырку на месте живота, потом бросила куклу и быстро ушла от этого места, не оборачиваясь.

* * *

Денис снова и снова набирал Лорин номер, слушая бесстрастный ответ:

– «Абонент временно недоступен...»

– Недоступен, говоришь? Ну хорошо...

Секунду подумав, он набрал номер Евгения. Тот ответил сразу, как будто ждал его звонка:

– Да?

– Жень...

– А, привет, Денис! Сейчас, момент... – Он обратился к шоферу: – Валер, лучше давай через бульвар... Да прямо сейчас поворачивай, наплевать на знак, кто тут остановит... Извини, Денис, мы тут проталкиваемся через бешеную толпу огородников... В пятницу вечером все хотят побыстрее прорваться на свои шесть соток и упасть на грядке укропа... Ехали бы завтра... Ох, ну мы встали, похоже. И ладно. Ну что, как дела у тебя? Отдыхать не надоело?

Денис приободрился, услышав энергичный голос своего молодого неутомимого начальника.

– Да как... Слушай, Жень. Не могу эту бабу никак достать, который раз уже звоню.

– Какую именно? – спросил Евгений после еле заметной паузы.

– Которую ты мне организовал – агента! Помнишь, я звонил...

Денису показалось, что его приятель зевнул:

– Ну, помню. И что?

– Да вот тут я подумал: надо связаться с ней срочно, кое-что изменить или вообще... отменить... Понимаешь, я...

Евгений перебил его, сказав негромко и отчетливо:

– Слышно тебя ужасно.

Денис слышал, как загудел какой-то автомобиль в пробке, и заговорил было громче:

– Я говорю, я...

Но Евгений снова прервал его.

– Денис, это услуга одноразовая. Ясно? Приезжай в Москву и здесь разбирайся.

Денис почувствовал, что его затылок наливается чем-то тяжелым и горячим. Он заторопился, боясь, что Евгений просто выключит свой телефон:

– Подожди, Жень, как – в Москву? Она же здесь живет, или не здесь... я не понял. Я не знаю, где она сейчас... Женька, это не капризы, это... Просто я... Слушай, дай мне какой-нибудь другой телефон, ведь как-то же ее можно найти, кому-то позвонить... Такая фигня вышла...

– Вижу, что фигня, – спокойно ответил Евгений. – Хорошо. Я сброшу тебе другой номер на телефон.

– Спасибо, Женька...

Но тот, по всей видимости, и не слышал уже его последних слов.

Глубоко вздохнув, Денис отложил трубку и позвал официанта, чтобы заказать еще вина. Сил двинуться с места у него не было. Когда, интересно, Женька пошлет ему новый номер? Официант подошел сразу же, вежливо улыбаясь. Лучше бы они не улыбались так, эти волоокие иуды... Будто знают что-то такое, что Денису не дано знать... Почему-то все местные жители казались Денису только что поменявшими гражданство москвичами или киевлянами.

Денис постучал по пустой бутылке, стоящей на столе, и по своему бокалу:

– Уан! Такое же! – И он попытался объяснить, что хочет один бокал.

Но официант принес ему бутылку и, не успев Денис что-то сказать, тот ловко откупорил ее и аккуратно наполнил бокал.

– Издеваешься, да? – спросил Денис, не надеясь на какой-либо ответ. – А, ладно! Иди!

Через мгновение раздался характерный сигнал телефона, и Денис с радостью прочитал сообщение, в котором был указан другой номер – семизначный, причем непонятно, то ли городской, то ли прямой мобильный.

– Ага...

Он тут же набрал номер, и в это время в дверях ресторана показалась Маргоша в новой оранжевой майке с большими пунктирными кругами на груди. Маргоша замахала ему рукой и закричала на весь ресторан. Оксана всегда считала, что дочкина чрезмерная открытость и простота помогут ей в жизни, и всячески удерживала в ней это, как казалось Денису, затянувшееся детство.

– Пап! Па-ап! Мы здесь стоим и ждем тебя!

Сделать вид в такой ситуации, что он оглох, было невозможно. Маргошу слышали все – и посетители, и официанты, и толстый маленький повар, накладывавший куски мяса в большую жаровню, и переполошившиеся воробы...

– Ч-черт... – Денис успел только услышать длинные гудки. Ему пришлось нажать сброс и встать, на ходу допивая вино. – Хорошо! Иду! – ответил он Маргоше вполголоса, зная, что она не слышит его, но видит, что он идет. Должна перестать так голосить... Бесплатное развлечение для туристов...

– Мы уже одеты на концерт! – продолжала радостно кричать Маргоша. – И без тебя не поедем! Скорей! Па-ап!

Денис на секунду замер, чувствуя на себе веселые доброжелательные взгляды, и заорал во весь голос:

– Иду! Портки переодевать! Рожу брить! Иду-у!.. У! У! У!

Маргоша захохотала, и вместе с ней засмеялись пожилые румяные немцы. И ведь не дрогнет у них ничего – выпивать здесь да закусывать, на земле обетованной.

– Бу! – сказал Денис толстому немецкому дедушке, особенно громко радующемуся жизни и их с Маргошей содержательному диалогу.

Дедушка, ничуть не растерявшись, издал губами неприличный звук и стал смеяться дальше. Если бы хоть кто-то из них знал, что творится сейчас в душе у Дениса... То ничего бы не изменилось.

Глава 4

Алена послушала мелодию будильника в восемь утра, выключила его и не заметила, как снова заснула. Сквозь сон донесся телефонный звонок и приветливый суховатый голос автоответчика: «Номер не определен». Она, не вставая, взяла трубку.

– Ведерникова? – раздался странный, то ли высокий мужской, то ли низкий женский голос.

Алена почувствовала, как отчего-то ей становится страшно.

– Да... – выдохнула она, думая, не повесить ли трубку.

– Почему на анализы не пришла?

– Простите, кто это?

Ей энергично ответили:

– Из поликлиники это, из женской. Ты анализы почему вовремя не сдала? У тебя же были такие плохие анализы в прошлый раз!

Алена приподнялась и села на диване.

– Подождите, как? Наоборот, у меня гемоглобин хороший...

Ей не дали договорить:

– В общем, слушай. Сегодня весь день пей сосудорасширяющие и успокоительные... мм... препараты... Знаешь какие?

– Какие? – Алена пыталась понять, слышала ли она когда-нибудь раньше этот голос. Все-таки похоже, что это мужчина... И что-то такое знакомое вдруг промелькнуло, какая-то интонация, что ли...

– Ты вот что, петрушки купи, в аптеке, сушеной, или свежую поищи, – продолжали на том конце провода, – завари три пучка на стакан воды, пусть настоится, и выпей на ночь. И коньячка, побольше. Очень для крови полезно. Лейкоциты будут просто как у космонавта. Завтра приходи на анализы.

– Вы шутите? Кто это говорит?

– Кто говорит? Поликлиника о тебе беспокоится! Правила у нас такие! Раз анализы были плохие, здоровье поправлять нужно! Давай-давай, делай все, как сказано, и завтра анализ мочи приноси. – В трубке раздался щелчок и короткие гудки.

– Господи, бред какой-то...

Алена умылась, потом взяла с полки медицинскую энциклопедию, полистала ее и позвонила подруге.

– Нат, извини, я на минутку. Ты не спешишь?

Наташа, запыхавшись, ответила:

– Да вот, одеваю архаровцу новые ботинки, сам никак не влезет. К первому уроку опоздали опять... Как ты?

– Нат, мне сейчас позвонили из поликлиники... не пойму кто... Голос такой сдавленный, странный... Сказали, надо пить отвар петрушки...

– Ты что, мать, озверела? Какую еще петрушку? Да бабки плод так выгоняют! Ты что?

– Да нет, это не я... это... Ну я тебе потом все расскажу. Я сама не понимаю. Иногда вообще-то звонят из поликлиники, если я вовремя не пришла на осмотр...

– Алька, Господи, да что там у тебя происходит? Давай приезжай к нам – прямо сегодня!

– Я постараюсь. Пока, Нат!

– Я тебе с дороги позвоню! Никакую петрушку не пей, слышишь?

– Да, я так и думала... Я, может, приеду к вам... на днях...

Она откинулась на подушке. Позвонить матери? Но Кира наверняка еще спит... Алена решительно встала, выпила минеральной воды и начала делать зарядку перед большим зеркалом. Повернувшись в профиль, посмотрела, как у нее вырос живот. Так смешно, как будто он растет чуть вверх... Алена взяла полосатый мяч, подошла к стенке и принялась катать его спиной.

– Петрушка с коньячком... Сам пей! – Она вдруг остановилась. – Сам...

Девушка подошла к телефону, поискала в телефонной книжке номер и набрала его. Долго было занято, но Алена включила автодозвон и под громкие гудки продолжала зарядку. Наконец ей ответили:

– Да!

Она быстро сняла трубку:

– Простите, у вас... У нас в консультации есть мужчина-врач? Или медбрат?

– Чего-чего? – В трубке раздались короткие гудки.

Алена перевела дух и снова набрала номер.

– Не отключайтесь, пожалуйста, ответьте мне...

– Что вы хотите? – спросила регистраторша.

– Я хочу знать, работает ли в консультации мужчина – врач или медбрат... или практикант, я не знаю... Я не шучу, просто...

– Как фамилия?

– Моя? Ведерникова Алена... Владимировна.

– Да не ваша! Мужчины этого?

– Я не знаю... Просто мне звонил какой-то врач сейчас, из консультации...

– Нет у нас мужчин!

– Ни одного? Спасибо. А... а меня сейчас никто не вызывал на анализы? Никто не мог звонить?

– Ну я же сказала, женщина! Не-ту! Вот дурные, а...

– Да, понятно, конечно... – Алена повесила трубку. – Понятно, что ничего не понятно...

Она подошла к полке, на которой стояла старая, послевоенная фотография очень красивой женщины. Женщина смеялась, и белые поля большой шляпы смотрелись бы ореолом, если бы на шляпе не было так много цветов... Бабушка так любила все яркое, веселое, солнечное... что не избавляло ее саму от периодических приступов хандры и недовольства собой и жизнью... Но пролежав два дня с потрепанным «Графом Монте-Кристо» и отключенным телефоном, бабуля решительно вставала, отшвыривая книжку и вместе с ней свою хандру: «Хватит!»

Алена смотрела на фотографию и на себя в зеркале, висевшем на стене.

– Как ты, бабуля, говорила мне всегда? – вздохнула она. – «Р-радуйся, Аленка, р-радуйся! Ты – красавица!» Ничего не понятно, бабуля, в этой жизни. Но я – красавица! Да? Красавица! И умница!.. И сильная... – Алена потрогала живот. – Ты слышишь меня, мой маленький человек? Мама твоя – ужасно сильная! Как большой бегемот! Маму уже давно-давно не тошнит. Мама – просто умница... – Она пошла на кухню, взяла яблоки и морковь, начала чистить их, чтобы сделать сок. – Все делает правильно. Вот сейчас выпьем с тобой свежего соку и пойдем гулять, пораньше, пока машины не испортили весь воздух... И я никого не боюсь... Никого...

Алена села на стул в кухне, посмотрела на фотографию Дениса, которая хранилась над плитой на полочке со специями. Потом взяла портрет и спокойно убрала его в кухонный шкаф между коробками с крупами.

– Видишь, какая у тебя будет красивая кухня... У нас с тобой...

Она, стараясь не плакать, включила соковыжималку.

– Мой малыш... Нам с тобой нужно еще столько сил, столько сил... Р-радуйся, Аленка, р-радуйся... – Алена остановилась на минуту и посмотрела в окно на качающиеся ветви деревьев. – Я твоего папу часто спрашивала: «Ты меня любишь?» Мне так важно было это услы-

шать. А он отвечал: «Ебсессьно! А то!» Или хрюкал в ответ... Я думала, что он стеснялся часто говорить о любви. А может, он просто ничего другого не мог мне сказать?

Алена увидела, как у самой земли две крупные вороны дерутся, отлетая друг от друга на метр-два и снова слетаясь, сталкиваясь изо всех сил. Одна из них была явно сильнее. Вторая вдруг повернулась и, проковыляв несколько шагов, отлетела на приличное расстояние. Интересно, из-за чего они так разодрались? Алена присмотрелась, но не увидела ничего ни на асфальте, ни в клюве у победительницы. Наверно, по моральным соображениям...

Нет, так не пойдет. Алена отвернулась от окна, вылила в высокий стакан сок с пышной оранжевой пенкой. Затем поискала музыку на радио, оставила программу, где звучала жизнерадостная детская песенка и заставила себя подпевать.

– «Р-раз ступенька, два ступенька, будет ле-сен-ка!» – звонким, пронзительным голоском пел совсем юный певец, мальчик, похоже. А может, и девочка...

* * *

Денис поправил козырек желтой спортивной кепки, прикрывая глаза от бьющего солнца, и с силой ударил по мячу ракеткой.

– Оксанка! А ведь измены изменам рознь, правда? – Ему пришлось прокричать это, чтобы Оксана услышала. Денис прокричал смело, неожиданно для самого себя. А вот сейчас остановись, подойди к ней... и – все. И ничего не скажешь.

Оксана легко отбила, отправив мяч на другой конец площадки, и тоже прокричала, смеясь:

– Неправда!

Денису пришлось идти за потерянным мячом, поэтому он сказал вполголоса, не очень надеясь, что Оксана его услышит:

– Ты сама говорила: жизнь – это не только мощная эрекция...

Оксана, не дожидаясь его, взяла из полной корзины новый ярко-желтый мячик и подала, все прекрасно услышав и отвечая ему так же весело, как и прежде:

– Дура была!

– Мне надо тебе кое-что сказать, – проговорил Денис, не обращая внимания на ее подачу.

Оксана взяла еще один мячик, снова подала и засмеялась:

– Не надо!

– Тут кое-какие обстоятельства...

Денис подкинул ракетку, поймал ее левой рукой и пошел на Оксанину половину площадки. Оксана взяла у него из рук ракетку, положила вместе со своей на землю и крепко обняла его:

– Да и черт с ними!

– Ты просто не знаешь... – Денис тоже обнял жену.

Оксана крепко обхватила его, прижавшись щекой к его плечу и целуя его.

– И знать не хочу...

Денис погладил ее по голове. Оксана в спортивных туфлях без каблука казалась беззащитным ребенком. Смешным неловким подростком, с большой попой, коротковатыми ручками в крупных веснушках и маленькой головой.

– Слышишь меня? – Оксана смотрела на него снизу вверх. Это было неожиданно приятно. – Ты для меня важнее, чем... – Она запнулась, подобные объяснения были для нее непривычны. – Чем все мои магазины...

Денис засмеялся. Оксана вопросительно посмотрела ему в глаза. Вопрос у нее был только один. Денис поцеловал ее в лоб, потом в нос. Оксана тоже негромко засмеялась и вытерла ладонью капельки пота, выступившие у Дениса над верхней губой.

– Ты меня любишь, Оксанка? – Денис внимательно смотрел на жену.
– Смешной! Конечно! – Оксана прислонилась к его груди. – Конечно...
– А за что?

– За что? – Жена подняла на него глаза. – Ты – красивый...

Денис ждал, что она еще что-то добавит, но Оксана лишь нежно погладила его по лицу.

– Смотрю на тебя, и мне хорошо. Настоящий принц...

– Оксан! – Денис с досадой чуть отодвинулся от жены. – Ну ты же взрослая женщина! Какой я принц!..

– Принц, – упрямо повторила Оксана. – Мой принц. Красивый, добрый и... и...

– Смелый, – вздохнул Денис. – Ладно, проехали.

Вернувшись в номер, Денис пообещал Оксане:

– Загляну на огонек, не выгоняй, если что...

– Смотря что... – улынувшись, покачала головой Оксана.

Денис, услышав, что жена пустила воду в ванной, быстро прошел на балкон своей комнаты, прикрыл, как смог, дверь и набрал номер, который переслал ему Евгений.

– Шалом, – ответил ему мужской голос.

– Шалом, – машинально подтвердил Денис.

Мужчина что-то спросил его, Денис даже не понял, на каком языке.

– Мне Лору! Можно Лору?

Мужчина что-то ответил, уже довольно резко. Денис испугался, что тот сейчас положит трубку.

– Кен ай... – попытался он сказать по-английски, – спик... Лора... агент... спешиал...

– Ноу! – заорал мужик.

Денис занервничал. Но должен же он как-то объяснить...

– Лора! Ло-ра! Намбер? Позвонить!

– Ноу!!!

– Вэйт! Подождите! Мобильный? Мобайл? – торопясь, стал спрашивать Денис, чувствуя, что тот его понял. – Намбер? Куда позвонить? Где она? Москоу? Израиль? Где?!

Мужик то ли кашлянул, то ли выругался на каком-то семитском наречии, вздохнул и сказал:

– Да хрена тебе лысого еще объяснять? Сказано – ни одной русской задницы тут нету и не было никогда! И в то же самое место засунь себе свою долбаную Москву! Хазер!¹ – и повесил трубку.

Денис, ошарашенный, аж крякнул:

– Ну спасибо, Жека...

Он услышал, что Оксана прошла из ванной в свою спальню, о чем-то говорит с Маргошей. Сейчас позовет его... Но вот он совсем никак не готов теперь... ни на огонек заглянуть, ни на взбучку...

Денис подошел к краю балкона и посмотрел на крышу этажа ниже, выдающуюся террасой на несколько метров вперед. Теоретически можно бы было... А если на соседнюю лоджию? Он перегнулся через кованую решетку и увидел, что в номере убирает горничная, убирает основательно, все сдвинуто... Значит, толстый австриец с огромной, глыбообразной женой уехали. Они любили стоять на балконе, молча, обнявшись, и смотреть на море, а Денис, глядя на них, думал: «Неужели они друг другу нравятся? Ну значит, нравятся... если так жмутся друг к другу...» Для него такое полное слияние двух человеческих существ всегда казалось странным и противоестественным, как, скажем, инородная пища – скользкие кусочки маринованной

¹ Свинья! (иерит, искаж.)

змеи, засахаренные жучки с хрустящими панцирями, густой травяной соус, в котором беспомощно плавают лягушачьи лапки, тонкие, нежные и совершенно отвратительные в качестве еды...

Мама когда-то очень давно ему сказала, когда он с ледяными ногами норовил залезать к ней ночью в постель из своей записанной кровати:

– Не пытайся объединиться никогда и ни с кем. Не прилипай. Ни к мужчине, ни тем более к женщине. Даже ко мне. Человек рожден один и один умрет. И никто вместе с тобой на тот свет не пойдет.

Маленькому Денису это не было ясно, а было обидно и страшно. И непонятно, почему нельзя прижаться ночью к теплой, надежной маме, рядом с которой его не съедят прятавшиеся в ванной комнате и в шкафу голодные волки и призраки... Папа все равно храпит на диване в большой кухне, где можно встать и, не рискуя напороться на мамин суровый взгляд, залезть в трясущийся урчащий холодильник и схватить колбаски или с наслаждением проглотить недоенную за ужином толстую мягкую котлетку...

Мама и потом повторяла эту фразу – про одиночество рождения и ухода. В какой-то момент Денису показалось, что она не права. Жизнь – ведь это не подготовка к смерти. Смерть смертью, зачем думать про нее в десять, двадцать лет? Один он или не один умрет... Может, он вообще никогда не умрет...

И он пытался прилипнуть. К веселому другу Паше, с которым убегал с уроков и вместо музыкальной школы шел в кино, пролезая в кинотеатр через окно в туалете. Паша в девятый класс не пошел, стал за одно лето взрослым и чужим. Старался Денис прилипнуть, притереться – чтобы вдвоем было теплее, надежнее – и к одной из своих сестер, которая первая взяла и уехала из их городка и не написала ему ни строчки, а ведь обещала взять его с собой... К отцу, раз мама не разрешала приближаться к ней на то расстояние, где начинается теплое, такое желанное «вместе»... Но отец молчал. Только когда Денис садился около него и смотрел, как тот читает газету, или ест, или слушает радио, отец начинал молчать зло. Он яростно хрустел газетой, давился котлетой, снимал-надевал очки, ронял их... И Денис перестал к нему подсаживаться.

А потом он прилип к Оксане. Он знал, что Оксана не пойдет с ним вместе умирать, это точно. Но жить рядом с ней было лучше, гораздо лучше, чем одному.

И еще чуть позже в его жизни появился Эмиль. Вот Эмиль, казалось Денису в минуты слабости, и умер бы вместе с ним. А минуты слабости наступали часто, когда Эмиль смотрел на него своими темными влажными глазами, смотрел так, как будто знал о нем все. И что было, и что будет, и что придется преодолеть – вместе, вместе...

Мама ошиблась. Она просто не знала о жизни того, что узнал Денис. Что встречаются два человека и прилипают, как икринки. Она не встретила такого человека. И не могла понять, как можно ради друга, когда тому плохо, встать ночью, взять билет на самолет, прилететь в другой город, купить бутылку водки и позвонить в дверь...

Хорошо, что теперь Эмиль тоже обосновался в Москве. После смерти отца, известного писателя, который думал на турецком языке, а писал на русском, прожив в России полжизни, Эмиль получил права на все его книги, издающиеся и переиздающиеся во многих странах мира. Что в них было, в этих полудетских книжках для взрослых, им обоим было непонятно. Но какая разница? Эмиль имел теперь полное право не работать, заняться увековечением памяти отца и просто думать о сущем. Думать и говорить с друзьями.

Вспомнив Эмиля, Денис, как обычно, ощутил тепло в груди. Странно, ни одна женщина не вызывала у него такого чувства. Разве что мама, и то очень давно... Он увидел, как уборщица в соседнем номере собрала кучу белья и понесла ее в коридор. Денис ухватился за фигур-

ную решетку, подтянулся, перелез через перила и прыгнул на смежный балкон. Даже если кто-то и заметил... а может, он в гости к девушке идет...

Он быстро прошел по номеру, отметив, что тот вдвое меньше их апартаментов, и оказался в коридоре, никем, похоже, не замеченный. Вот пусть Оксана теперь и думает, куда он делся... Маргоша скажет ей, что из двери он не выходил, ключ от его номера лежит со вчерашнего дня у нее на трельяже... Вряд ли ей придет в голову, что он, как пацан, полез на соседний балкон. Скорее он, чем-то очень расстроенный, взял и прыгнул с четвертого этажа. Он же ранимый, эмоциональный...

Денис хорошо помнил, как однажды в детстве он боялся идти домой с двойкой. Учился он очень хорошо, а тут... Двойку поставила математичка просто так, со злости, не за знания, а за прогул. Прогулял контрольную – изволь, получи свое. Она, оказывается, наблюдала, как Денис бежал в расстегнутой куртке, оглядываясь, по школьному двору. Листья вдруг облетели, быстро, за пару дней, и все стало видно...

Он-то знал, зачем бежал. К самой старшей сестре должен был прийти жених, летчик... Как хотелось Денису увидеть настоящего летчика! В их городке, где было три частные машины и два рейсовых автобуса, ни летчиков, ни моряков, ни даже солдат он ни разу не встречал. А тут – настоящий военный летчик!

Жених, правда, ни в тот день, ни после так больше и не пришел. Сестра плакала, мать ругалась, вторая сестра о чем-то шепталась со старшей, отец молчал и яростно ел. А Денис ходил и ждал, что сделает математичка. Вызовет маму в школу, напишет замечание в дневник или оставит его после уроков и будет воспитывать. Та сделала проще: вклеила жирную, наглую «пару». И расписалась рядом – элегантно, с завиточком. Математичка, которая всегда смотрела на него с удовольствием и радостью – он был такой способный, старательный...

Двойку Денис получил второй раз в жизни. Первый раз мать оттащила его за уши так, что он лег спать в шапке – тяжелые, распухшие уши болели и мешали спать. Как же смеялись над ним мальчишки в школе, когда увидели его сизо-красные уши! Денис тогда хотел уйти. Вообще, совсем. От всех – куда-нибудь в лес, где нет даже лесника. Чтобы был только он и... и... какой-нибудь домик с едой, книжками, теплой печкой... И пусть бы там была добрая бабушка, которая бы его не трогала. А еще лучше – дедушка, глухой... Который бы смотрел на него добрыми глазами и улыбался... Всегда...

Когда Денис получил вторую двойку, за летчика, который забыл взять с собой сестру, плачущую теперь по углам, он домой не пошел. Весь день гулял по городу, доел кем-то оставленную на скамейке в парке булку, зашел в маленький магазин и попросил водички, а продавщица дала ему чашку теплого чая с соевым батончиком... Маленький хорошенький Денис в аккуратно зашитых мамой старых сестриных пальтишках с заплатанными рукавами вызывал у чужих людей жалость и симпатию.

К вечеру он замерз, но по-прежнему не знал, что скажет матери. Он просидел у подъезда своего трехэтажного дома еще час, пока совсем не стемнело. Потом взял и вырвал страницу из дневника и пошел домой. Переполющенная мать набросилась на него со слезами и кулаками – она уже обегала всех соседей, опросила всех мальчишек во дворе...

– Я ходил навещать мальчика из класса, мне дали задание, он заболел... – быстро произнес Денис, еще минуту назад не знавший, что ей сказать.

– Чем?! – вскрикнула та, схватившись за сердце.

– Корью, – неожиданно для самого себя сказал десятилетний Денис, недавно услышавший это слово.

Мать раскричалась, расплакалась, стала одеваться, чтобы бежать к классной руководительнице, ругаться с ней...

– Она не знала, чем он болеет, – тут же сообразил Денис.

– Да? – Мать остановилась. – А что ж тебя послали? А? Почему тебя?

– Как отличника, чтобы я помог с новой темой... по математике...

– А как твоя контрольная, кстати? – спросила мать и, не дожидаясь ответа, полезла в его портфель за дневником.

– Еще не проверили, – небрежно ответил Денис, стараясь не отводить глаз.

В темноте крошечной прихожей мать не разглядела, что неделя в дневнике начиналась с пятого октября, а заканчивалась не десятым, а семнадцатым. Да ей и не пришло в голову смотреть...

Маленький Денис стоял и думал, как и куда он поставит пятерку... Красная ручка у него есть, а вот нарисовать так, как пишут учителя – с размахом, ровную, летящую пятерку, с гладким круглым бочком – вряд ли получится...

– Иди, Денечка, мой руки и за стол... – сказала мать и потрепала его за щеку. – Вон как весь застыл... Не берегут отличников... Ты у меня умница...

Денис стоял, мыл руки вонючим черным мылом, которое мать покупала, экономя на всем. Они не так плохо жили, отец прилично зарабатывал. Но мать собирала копейку к копейке и по-другому не могла. Потом приобретался новый шкаф, и она несколько дней была счастлива, а потом начинала копить снова.

Сейчас в зеркале он смотрел на свои уши, нормальные, не распухшие, красивые уши. Кровоподтеки так долго проходят, так долго напоминают всем, и тебе самому в первую очередь, что ты – побитый, униженный щенок, слабый и глупый. Бобик.

Бобика откуда-то принесли соседские девчонки, взять его домой им не разрешили, и он стал расти у них во дворе. Каждый звал его, как хотел – и Шарик, и Джеки, и Пушок, когда он был совсем маленький. Но потом стало ясно, что он – Бобик, вечно виляющий хвостом, всё всем прощающий, и за ошметок недоеденной куриной гузки, и просто так, по доброте. Ему то выносили еду, то играли с ним, а то пинали и прогоняли, когда он, грязный, взъерошенный, с жалкой просящей мордочкой норовил сунуться к ним в квартиру на первом этаже.

Один раз он пропал на неделю и пришел с подбитой лапой и оторванным ухом. Девочки поохали-поахали, погладили его, да и пошли прочь. Бобик вырос, стал неловким, довольно большим псом, еще очень молодым, глупым, но совсем не похожим на трогательного щеночка, которого они когда-то пожалели.

Потом Бобика поймали и увезли на машине с зарешеченной задней стенкой, через которую можно было видеть всех пойманных во время облавы бездомных собак. Вообще-то облава проходила ночью, и видеть ее никто не должен был. Но Денис, услышав отчаянный лай Бобика, проснулся и смотрел в окно. Как на Бобика накинули огромную сеть, как волокли к машине, как он отчаянно лаял и бултыхался в этой сети. Денису казалось, что тот глядит прямо на него, моля о помощи. Но мать никогда бы не разрешила взять собаку – от нее убытки и грязь в доме. А отец все делает, как говорит мать. Бездомным же собакам путь один – на мыло.

Наверное, черное мыло, которое покупает мать из экономии и санитарной гигиены, делают из таких вот бедолаг. Поэтому оно и получается черным, вонючим, едким.

Но он, Денис, не бездомный пес. И он вообще не собака, не щенок, из него не сварят мыла. Он человек. И ему больше не надерут уши. Потому что он стал умнее. Он как будто за день повзрослел на целый год.

Из зеркала на него смотрел чуть напуганный, не совсем уверенный в своей победе, но, кажется, победивший на сей раз мальчик. Почти что большой мальчик. Умный и хитрый. Чтобы быть хитрым, надо иметь смелость, – так казалось Денису. Если ты трусишь – не совершь так, как надо. Хитрый лис – разве он не смелый? Денису всегда очень нравились лисы во всех сказках, и так было жалко их в конце, когда какой-нибудь никчемный заяц или еж обводил-таки ловкача вокруг пальца.

Выдержать мамин взгляд и ничем себя не выдать – это и есть смелость, понял тогда маленький Денис. Мама не права. И он ее победил.

* * *

В гостиницу Денис вернулся только к обеду, заготовив несколько вариантов ответа на Оксанкины упреки.

Оксана не спросила ничего. Подошла к нему в ресторане, нежно обняла за плечи, потерлась носом о шею и тихонько спросила:

– Можно мне с вами сесть?

– И мне? – Маргоша тоже постаралась говорить тихо и вздохнула ему прямо в ухо.

* * *

Алена лежала на низкой кушетке, а худенькая врач быстрыми привычными движениями измеряла объем ее живота поверх тонкой блузки. Медсестра записывала все показания, подперев густо накрашенное красивое лицо полной рукой.

– Так... Пиши – девяносто восемь... – Врач слегка улыбнулась Алене. – Активно растем. Сколько ты набрала?

Медсестра ответила за Алену:

– Двести граммов за две недели.

Врач Елена Ивановна опять улыбнулась Алене:

– Молодец, можно еще. Жидкости пьешь не много?

Та вздохнула:

– Стараюсь.

– Старайся-старайся, чтобы ноги не начали отекать...

Она послушала короткой толстой трубкой живот Алене:

– Вот сердце у нас стучит, ровненько так... Молодцы, девочки...

Алена даже чуть приподнялась на кушетке:

– Почему «девочки»?

– Потому что ты и дочка... Мне кажется, что у тебя дочка. Ты определяла пол уже?

– Нет еще. А мне кажется, что мальчик.

Медсестра Ира заметила со своего места:

– А женщины всегда первого мальчика хотят. И папы тоже. А потом девочек обожают. Твой-то, кстати, тут приходил, справлялся – как да что. Когда, почему, какие сроки... Заботливый такой. Говорит, что ты сама ничего не рассказываешь, боишься, что он тебя разлюбит, мол, мужчины не любят наших женских подробностей... Кстати, это правда...

Алена села на кушетке, свесив босые ноги. Сначала она не могла взять в толк, что говорит медсестра, потом ей стало не по себе.

– Мой?

– Ну да. Симпатичный такой...

– Приходил сюда? А когда? Не может быть...

Медсестра переглянулась с врачом. Та, чуть нахмурившись, покачала головой. Она старалась никогда не вдаваться в семейные сложности своих пациенток, особенно ждущих ребенка. Ровно у половины будущих мамочек как раз в это время горячо любимый муж неожиданно встречал мечту всей своей жизни, еще от него не беременную, или резко увеличивал личную норму горячительных напитков, или же вдруг вспоминал, что в первой семье у него есть сын, и начинал запоздало ездить к нему, раза четыре в неделю, оставаясь далеко за полночь почитать книжки бедному мальчику...

Медсестра же, не обращая внимания на знаки Елены Ивановны и явное смущение Алены, продолжала:

– Да вот... пару дней назад. Или раньше, перед выходными... Молодой, мальчишка совсем...

– Молодой?

Елена Ивановна обернулась к Алене, так и сидящей на кушетке.

– Так, ладно, Алена... – врач взглянула на лежащую перед ней обменную карту, – Владимирова. Идите-ка сюда. Присаживайтесь, – она полистала карту. – А ты, кстати, «ПП-тест» делала? В десять недель?

– Нет, кажется... А что это?

– Что ж ты? В таком возрасте рожашь и не делала? Сейчас я тебе направление дам. Делается дважды, в десять и в семнадцать недель. Так, у тебя сейчас сколько? – Врач опять посмотрела карту.

Алена растерянно ответила:

– Уже двадцать недель... А зачем это?

Врач покачала головой:

– Вообще-то поздно теперь... Но все же сходи, может, сделают. Сдашь кровь. По этому тесту проверяется... – она взяла бланк и стала писать направление, – нормально ли развивается мозг у плода... Нет ли, – продолжая писать, она неторопливо объясняла Алене, – отклонений умственного развития, дебилизма то есть.

Алена в ужасе слушала, глядя, как та быстро и непонятно, как будто не по-русски, строит направление.

– Ой...

Елена Ивановна кивнула:

– Ну да, ну да... А то пока вы в догонялки с твоим гм... мужем... играете... там у тебя неизвестно что может быть...

– И что мне делать? В случае если...

Врач отдала ей листочек с направлением и обменную карту:

– Ты сделай анализ сначала, а потом волнуйся. Может, уже и делать не будут – срок такой. – Она посмотрела на медсестру Иру. – Что-то мы это упустили...

Та, пожав плечами, опустила глаза и начала перебирать карты других пациенток. Елена Ивановна улыбнулась Алене:

– Так, ладно, все, иди. Пока у тебя все в норме. Кровь теперь хорошая, но пей вместо воды сок гранатовый или яблочный, только натуральный, ешь курагу, печенку, если есть такая возможность... – Она взглянула на Алену. – Нормально питаешься?

– Конечно, я же работаю.

– Ну... вот и хорошо. Работай, пока работается. Скоро уже декрет. И приходи к нам вовремя, не задерживайся, ровно через две недели. – Врач нажала кнопку вызова другой пациентки.

Алена обернулась от двери:

– Конечно. До свидания, Елена Ивановна... Спасибо...

Когда Алена вышла, врач заметила медсестре:

– Между прочим, мальчишка тот просил ничего не говорить ей. Помнишь?

Ира махнула рукой:

– Да помню! Пошел он! Прибежал чего-то, всполошился... Может, он раньше не знал? – Не обращая внимания на другую пациентку, уже зашедшую и севшую перед врачом, она продолжала: – Говорил, что она с ним не хочет общаться... Не верится как-то...

– Да, хорошая девочка... жалко... Что-то у нее не в порядке, чувствую... Всегда так... А! – Она тоже махнула рукой.

Елена Ивановна знала – в чужих перипетиях не разобраться, даже не стоит пытаться. Начнешь советовать – еще хуже сделаешь. Вот родится ребенок, пройдут первые тяжелые недели и месяцы, и почти все сбежавшие, запившие или загулявшие папы вернутся, хорошо если не успеет за это время еще где-то кого-то осеменить. Оскопить бы их всех, оставить две-три тысячи племенных жеребчиков на весь мир... Да замысел не тот, Создатель не так придумал. Прав ли, ошибся ли... Ему виднее, если он еще следит за результатами своих лабораторных работ... Врач вздохнула и взглянула на терпеливо ждущую пациентку:

– Слушаю вас...

* * *

Портье с улыбкой открыл дверь большого автомобиля, остановившегося у входа в отель. Грузная женщина с неожиданной для такого телосложения грацией вылезла из салона, придерживая на голове легкий оранжевый шарф, из-под которого выбивались густые черные волосы. Ни на кого не глядя, она прошествовала ко входу. За ней спешил молодой человек, на ходу делавший знаки носильщику.

Женщина энергично вошла в вестибюль. Она протянула деньги сопровождающему, нимало не заботясь, смотрит ли он на нее. Вприпрыжку бегущий рядом с ней молодой человек еле успел подхватить купюру.

– Дай, пожалуйста, всем, кому надо, – носильщику, шоферу... – звучным низким голосом велела она. – И где же моя малышка ходит, а, Боря?

Борис приладил аккуратные очки у носа и тоже огляделся, вежливо улыбаясь:

– Ммм... Момент, Жанна Михайловна... я принесу заполнить guestcard. – Слабый голос гίδα как будто чуть окреп, неожиданно нырнув на английском слове куда-то в глубь тщедушного тела. – Присядьте, пожалуйста, пока на диванчик.

Жанна опустилась на очень низкий желтый диван, охнув и откинувшись на пухлые яркосиние подушки.

– «Guestcard»... Лишь бы выпендриться! – Наконец она заметила выходящую из лифта Оксану и радостно замахала ей рукой. – Не прошло и двух часов!

На ее голос обернулись сразу несколько человек. Жанна протянула паспорт подбежавшему Борису.

– А ты-то что переполошился? Я не тебе... Заполни сам... гостевую карточку, а я распишусь.

Гид улыбнулся, показав мелкие чистенькие зубки:

– Конечно, Жанна Михайловна.

– И поменьше выпендривайся.

Борис слабо улыбнулся и стоял, как будто не в силах уйти из-под взгляда Жаннинных темных, чуть навывкате, глаз, пока та ему не махнула:

– Да иди уже ты, ради Бога... – Глядя, как тот, чуть склонив к плечу аккуратно подстриженную голову с редкими черными волосами, спешит к стойке администратора, Жанна негромко добавила, вздыхая: – И что ж тебя угораздило в сопроводилки-то попасть, такого... А ручки-то... холеные... и шейка-то слабая какая...

Она прицокнула языком, проводив взглядом Бориса, и широко раскрыла объятья навстречу Оксане. Та подошла, запыхавшись, и поцеловала подругу в большую мягкую щеку, сладко пахнущую любимыми Жаннинными духами. Сильный, сладкий, на одной ноте, устойчивый аромат настойчиво вытеснял все остальные запахи вокруг. Жанна сгребла маленькую Оксану в охапку и посадила рядом с собой. Та засмеялась, прижавшись к плечу подруги.

– Как добралась?

– Да уж... Насилу собралась, насилу добралась, – Жанна тоже засмеялась, – насилу в самолете покушала... дряни всякой... Тут как кормят?

– На убой! – Оксана вздохнула, достала тоненькую пачку сигарет, покрутила ее и убрала обратно в сумочку. – Кусок только в горло не лезет. – Она снова достала пачку и быстро закурила.

– Что? Опять двадцать пять? Орел наш в грусти и тоске? Я так и поняла, когда ты мне вчера сказала: «Все хорошо». Таким тоном говорят: «Все час как померли...» Ну и что на этот раз?

– Ой, Жанка... Сейчас пойдем, я тебе расскажу, надо посоветоваться. – Оксана положила маленькую ручку с ровненькими матово блестящими ноготками на огромную, тоже холеную и мягкую, руку подруги. – Хорошо, что ты приехала.

– Ну, это кому как. Мне пока не очень... – Жанна махнула рукой подошедшему к ним и остановившемуся на вежливом расстоянии Борису. – Давай! Иди сюда... – Взяв свой паспорт и карточку гостя, она тут же вернула кучу туристических проспектов, которые Борис сунул ей вместе с паспортом. – Убери это и не приставай больше ко мне. Я к подруге приехала, а не по экскурсиям мотаться, башку свою под пули подставлять у вас тут. И что тут смотреть, кроме моря... Номер на каком этаже?

– На третьем, – корректно улыбнулся Борис, торопливо запихивая проспекты в большую папку.

Жанна спросила Оксану:

– А у вас?

– На четвертом.

– Поменяй на четвертый.

– Жанна Михална... Боюсь, там только Royal apartments.

Жанна досадливо поморщилась:

– Слушай, Боря, давай вот без этого, говори нормально. Я русский человек, ко мне на английском не обращаться, ясно? Вот приедут янки, побежишь с ними военные базы фотографировать, тогда и лопочи.

– Пардон, королевские апартаменты.

– Да ладно уж, здесь – и королевские! В общем, что там есть, то и бери. Я тебя прошу, вот тебе деньги, – она дала ему толстую пачку купюр, – доплати сколько надо прямо сразу наличными, себе возьми полтинник... Помнишь еще, что такое полтинник?

Борис слабо улыбнулся и кивнул, совершенно смятый Жанниними уверенностью и мощью.

– Больше не бери, остальное мне принеси. За этот полтинник знаешь, что надо делать?

Молодой человек опять неуверенно кивнул. Жанна громко объяснила:

– Русских уважать! Великую нацию! Ясно? У нас и без ваших выкрутасов все сложно. Пока ты здесь дурака валяешь, знаешь, как все изменилось? О-о-о... я тебе потом отдельно расскажу... И этим скажи, быстроглазым, за стойкой, чтоб обращались ко мне на хорошем русском языке. Я отдыхать приехала. Иди уж, пожалуйста, не тормози. – Она обернулась к чуть съездившейся от Жанниного напора подруге. – Сервис! Полчаса торчим в вестибюле. Новый «пежо» утоплю, считай, в здешнем море за неделю отдыха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.